

КОНЦЕПЦИЯ
ФАКТИЧЕСКОЙ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

В.С. МИХАЙЛОВ,

аспирант кафедры гражданского права юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-3-103-161

В работе рассматриваются основные положения концепции фактической причинной связи, анализируются проблемы, вытекающие из данной концепции, и предлагаемые способы их решения.

Ключевые слова: фактическая причинная связь; альтернативная причинная связь; кумулятивная причинная связь; опережающая причинная связь; вытесняющая причинная связь; перерыв причинной связи.

CONCEPT
OF FACTUAL CAUSATION AND SEVERAL ISSUES
OF ITS PRACTICAL APPLICATION

V.S. MIKHAILOV,

Ph.D. Student of the Department of Civil Law of the Law Faculty
of the Lomonosov Moscow State University

The article pertains to the main provisions of the factual causation concept, and purports to analyze the issues arising out of the said concept, as well as the solutions proposed with that regard.

Keywords: factual causation; alternative causation; cumulative causation; overtaking causation; superseding causation; breaking the chain of causation.

Проблема причинно-следственной связи является одной из самых сложных в российском гражданском праве. Причинно-следственная связь между противоправным поведением и вредом является базовым условием ответственности, в связи с чем вопрос о причинной связи встает практически в любом споре, в котором тем или иным образом рассматривается факт причинения убытков.

Российские суды часто отказывают в удовлетворении исков о возмещении убытков, ссылаясь на то, что истец не доказал наличие причинно-следственной связи между поведением ответчика и наступившим вредом. При этом результаты ведущихся в последние десятилетия в зарубежной цивилистической науке дискуссий о способах разрешения проблемы неопределенности причинной связи практически неизвестны в России и не учитываются отечественными специалистами, хотя могли бы быть полезны как для научных, так и для практических целей.

Зарубежный опыт, вероятно, может быть использован и для целей верного толкования правовых позиций высших судов Российской Федерации о правилах установления причинно-следственной связи¹.

Указанные обстоятельства объясняют повышающийся в последнее время интерес отечественной науки гражданского права к проблематике причинно-следственной связи (в том числе в ее сравнительно-правовом аспекте)².

В основе подхода зарубежных правовых порядков к проблеме причинно-следственной связи лежит концепция фактической причинной связи. Факти-

¹ См.: п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»; п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»; п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 27 «О некоторых вопросах применения законодательства об исполнительном производстве»; п. 24 постановления Пленума ВС РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»; п. 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 24 мая 2012 г. № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью»; п. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 августа 2004 г. № 81 «Обзор практики применения арбитражными судами Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации».

² См.: Байбак В.В. Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6. С. 4–21; Сераков В.В. Теория адекватной причинности как способ ограничения размера причиненных убытков // Вестник гражданского права. 2014. № 5. С. 233–252; Ягельницкий А.А., Петроль О.Д. Спор о возмещении убытков. Как меняется подход судов к причинно-следственной связи // Арбитражная практика. 2016. № 1. С. 26–34; Назариков С.В. Некоторые теоретические и практические аспекты причинно-следственной связи в контексте деликтной ответственности // Вестник гражданского права. 2016. № 6. С. 170–245.

ческой причиной вреда признается поведение правонарушителя¹, исключение которого из цепи событий препятствует возникновению вреда (*conditio sine qua non*). Первый раздел настоящей статьи содержит общее описание концепции фактической причинной связи в германском и английском праве.

Явно несправедливые результаты, к которым в некоторых случаях приводит последовательное применение концепции фактической причинной связи (случаи альтернативной причинной связи, кумулятивной причинной связи, перерыва причинной связи и др.), вызвали необходимость выработки специальных решений для таких исключительных ситуаций. Анализу различных способов решения проблем, связанных с осложненными случаями фактической причинной связи, посвящен второй раздел настоящей статьи.

1. Концепция фактической причинной связи

Как отмечает Р. Циммерман, римские источники не позволяют установить использование римскими юристами какой-либо специальной концепции причинно-следственной связи. Римские юристы не признавали за лицом право на иск, если между причиненным вредом и поведением ответчика отсутствовала причинная связь, однако это было скорее вопросом здравого смысла, а не результатом применения определенных логических и философских подходов. Римлянам была известна сама идея *conditio sine qua non* (условие, без которого причинение вреда не имело бы места), однако ее трудно обнаружить непосредственно в источниках².

В современной немецкой доктрине предлагается «двухступенчатый» подход к проблеме определения наличия причинно-следственной связи: поведение ответчика не может быть признано юридически значимой причиной, если оно не является условием причинения вреда³. Этим обусловлено выделение двух стадий изучения причинно-следственной связи:

- 1) фактическая стадия – установление того, является ли поведение ответчика необходимым условием причинения вреда;
- 2) нормативная стадия – выделение юридически значимой причины вреда среди его условий⁴.

¹ Для целей настоящей статьи понятия «правонарушитель», «причинитель вреда», «предполагаемый причинитель», «ответчик» используются в качестве синонимов.

² Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town: Juta, 1990. P. 991.

³ Magnus U. Causation in German Tort Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 64.

⁴ Markesinis B., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. Oxford: Hart Publishing, 2002. P. 103.

Ранее в системе общего права также являлся общепризнанным двухступенчатый подход к проблеме выявления причинно-следственной связи, основанный на делении причин на фактические (*cause-in-fact*) и юридически значимые (*cause-in-law*). В современной англоязычной литературе получил некоторое распространение подход, согласно которому к причинной связи относится только вопрос исторической связи поведения правонарушителя с наступившим вредом (фактическая причинная связь), но не вопрос вменения последствий противоправного поведения¹.

Для определения того, является ли определенное обстоятельство необходимым условием причинения вреда, используется тест *conditio sine qua non* (в англо-американском праве также именуется как «*but for test*»). Данный тест используется для того, чтобы проверить, наступил ли бы вред, если бы ответчик действовал иным образом. Если бы вред все равно наступил, то поведение ответчика не было условием причинения вреда. В третьем Своде деликтного права США понятие фактической причины определено следующим образом: «Поведение является фактической причиной вреда, если вред не возник бы в отсутствие поведения»².

Тест необходимого условия является отображением глубокой веры юристов в то, что действие ответчика, которое не является условием причинения вреда, никогда не будет признано его причиной³. Как отмечает Х. Коциоль, широкое признание такого подхода предопределено принципом, согласно которому лицо не может нести ответственность за вред, причинение которого оно не могло предотвратить⁴.

Тест необходимого условия необходим для того, чтобы, во-первых, определить круг условий причинения вреда и, во-вторых, отсеять все не относящиеся к конкретному делу обстоятельства⁵.

Тот факт, что поведение ответчика было условием причинения вреда, не является сам по себе достаточным основанием для возложения обязанности по возмещению вреда на ответчика⁶. Фактическая причинная связь является пусть

¹ См. подробнее: *Steele J. Tort Law: Text, Cases and Materials*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 168.

² *Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement: Some Comparative Notes // William Mitchell Law Review*. 2011. Vol. 37(3). P. 1602. Тест необходимого условия был включен в первый и второй Своды деликтного права, однако скорее в негативном, а не в позитивном выражении: «Небрежное поведение лица не является существенным фактором в причинении вреда другому, если этот вред был бы причинен, даже если бы лицо не было небрежным» (*Ibid.* P. 1602).

³ *Catala P., Weir J.A. Delict and Torts: A Study in Parallel – Part IV // Tulane Law Review*. 1965. Vol. 39. P. 714.

⁴ *Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective*. Wien: Jan Sramek Verlag, 2012. P. 134.

⁵ *Horton Rogers W.V. Causation under English Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier*. P. 39; *Prosser W.L. Proximate Cause in California // California Law Review*. 1950. Vol. 38. P. 377–378.

⁶ *Prosser W.L. Op. cit.* P. 713.

и неотъемлемым, но не всегда достаточным критерием для вменения последствий противоправного поведения нарушителю. Как указывает А.В. Егоров, фактическая причинная связь является безграничной, а отнесение образовавшихся последствий к ответственности определенного лица требует установления своих границ. Для того чтобы обязанность по возмещению вреда не была бескрайней и необозримой, немецкой доктриной был осуществлен поиск иных критериев, которые послужили бы справедливым основанием для вменения неблагоприятных последствий в вину нарушителю (нормативная стадия)¹.

У. Проссер также указывает, что в философском смысле причиной определенного события являются даже рождение его участников и открытие Америки, но любые попытки привлечь к ответственности на основе этой идеи приводят к «бесконечности» ответственности².

Американские суды неоднократно обращали внимание на недопустимость смешения причины, дающей основание для привлечения лица к ответственности, и фактической причины (необходимого условия) вреда: «Необходимо избегать смешения двух независимых и отличных друг от друга элементов, а именно тех, которые причиняют вред, и тех, без которых причинение вреда не имело бы места. За первые ответчик может нести ответственность, за вторые – нет, т.е. для того, чтобы привлечь лицо к юридической ответственности, необходимо, чтобы его неправомерное действие было *causa causans*, а не только *causa sine qua non*»³.

В немецком праве выделяется два основных метода определения необходимого условия: метод исключения и метод замены. Первый заключается в мысленном устранении проверяемого обстоятельства из цепи событий при сохранении всех остальных условий. Метод замены, напротив, не исключает поведения предполагаемого причинителя вреда из цепи событий, а заменяет его правомерным поведением при неизменности остальных условий⁴.

Метод исключения лучше работает в ситуациях, когда поведение предполагаемого причинителя выразилось в действии. Если при исключении действия из цепи событий вред все равно бы наступил, то это действие не может быть признано условием (и, как следствие, причиной) вреда. Если же вследствие исключения конечный результат изменился, то поведение предполагаемого причинителя является условием причинения вреда.

Метод исключения не может быть применен к бездействию по вполне понятным причинам (исключить поведение ответчика невозможно, так как он бездействовал). Применение этого метода к бездействию приводило бы к тому, что

¹ Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 75.

² Prosser W.L. Op. cit. P. 375.

³ Ibidem.

⁴ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 104; Koziol H. Op. cit. P. 136–137.

бездействие ответчика никогда не было бы признано *conditio sine qua non*, поэтому при применении метода замены устанавливается, был ли бы причинен вред в случае правомерного поведения ответчика¹. Если вред все равно бы наступил, то поведение ответчика не являлось условием причинения вреда.

Проверка бездействия ответчика с помощью метода замены также осложнена, что подтверждается примером, часто используемым в немецкой литературе². Один из пассажиров судна, не укомплектованного спасательными кругами, выпал за борт и утонул. На судне должны иметься спасательные средства, поэтому представим, что спасательный круг на судне все-таки имелся. Однако из этого нельзя сделать вывод, что пассажир утонул именно из-за отсутствия спасательного круга. Вероятно, что даже при наличии круга команда корабля не смогла бы его правильно использовать для спасения пассажира в силу своей плохой профессиональной подготовленности или по иным причинам. Возможно, сам пассажир не смог бы ухватиться за брошенный ему круг. В связи с этим предлагается производить не частичную, а полную замену неправомерного поведения ответчика. В приведенном примере отсутствие спасательного круга будет признано условием гибели пассажира только при условии, что команда корабля была достаточно опытна для использования спасательного круга, а сам пассажир смог бы ухватиться за брошенный ему круг.

Применение теста необходимого условия в английском праве обычно иллюстрируется делом *Barnett v. Chelsea and Kensington Hospital Management Committee* (1969). Три сторожа обратились в отделение экстренной медицинской помощи с жалобами на рвоту в течение трех часов после того, как выпили чай. Медсестра передала их жалобу дежурному врачу, который рекомендовал сторожам пойти домой и вызвать своих врачей. Все три сторожа ушли. Спустя пять часов один из них умер в результате отравления мышьяком, который был подмешан в чай. Экспертами было установлено, что сторож умер бы от отравления, даже если бы дежурный врач принял его и оказал должную медицинскую помощь (сторож пришел в больницу слишком поздно, поскольку для предотвращения летальных последствий противоядие должно было быть предоставлено ему в течение 75 минут после отравления). С учетом данного обстоятельства суд пришел к выводу об отсутствии причинно-следственной связи между бездействием врача и смертью сторожа³.

Обратимся к некоторым особенностям установления фактической причинной связи в английском праве. Истец должен доказать, что действие ответчика

¹ *Magnus U.* Causation by Omission // *Causation in Law* / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007. P. 97.

² *Markesinis B., Unberath H.* Op. cit. P. 103.

³ *Steele J.* Op. cit. P. 173; *Mulheron R.* Principles of Tort Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 412; *McBride N., Bagshaw R.* Tort Law. 5th ed. Harlow, England; New York: Pearson Education Limited, 2015. P. 288; *Elliott C., Quinn F.* Tort Law. 8th ed. Harlow, England; New York: Pearson Education Limited, 2011. P. 100–101.

являлось необходимым условием вреда на основе баланса вероятностей (*on the balance of probabilities*), т.е. истец должен убедить суд в том, что вред, более вероятно, чем нет (с вероятностью более 50%), не наступил бы в отсутствие противоправного поведения ответчика¹. Как указал Лорд Диплок в деле *Mallett v. McMonagle* (1970), при определении того, что случилось в прошлом, суд выносит решение на основании баланса вероятностей; все, что является более вероятным, чем нет, признается судом установленным. Р. Мулерон отмечает, что, несмотря на математическую абсурдность утверждения «51% = 100%», с правовой точки зрения оно разумно и может быть оправданно. При наличии неопределенности в вопросе о том, что именно стало причиной вреда, она (неопределенность) игнорируется правом в поисках прагматичного правосудия².

Если истец докажет, что поведение ответчика с вероятностью более 50% являлось причиной вреда, то ответчик должен возместить убытки, причиненные истцу, в полном объеме. Ответчик не вправе требовать снижения размера возмещаемых убытков пропорционально вероятности того, что именно его действия стали причиной вреда. С другой стороны, если вероятность того, что действия ответчика стали причиной вреда, составляет менее 50%, истец не вправе требовать взыскания с ответчика части убытков, пропорциональной вероятности того, что причиной вреда были действия ответчика (другими словами, вероятность в 49% приравнивается к 0%)³.

При этом вероятность того, что вред является следствием какого-либо обстоятельства, не должна устанавливаться судом в точном процентном выражении. Лорд Экнер в деле *Hotson v. East Berkshire AHA* (1987) отметил, что в отсутствие особой ситуации (к примеру, совместного причинения вреда), требующей распределения ответственности между несколькими причинителями, отсутствует смысл в описании процентного выражения вероятности, достигнутой истцом при доказывании оснований иска⁴.

В одном деле было установлено, что ответчик был обязан обеспечить строителей, работающих на высоте, предохранительными поясами. В один из дней на площадке отсутствовали предохранительные пояса. Строитель, работавший на высоте более 70 футов, сорвался и погиб. Его вдовой был предъявлен иск к работодателю, не обеспечившему погибшего предохранительным поясом. При рассмотрении дела было установлено следующее:

– существовала высокая вероятность того, что погибший не надел бы предохранительный пояс, даже если бы работодатель обеспечил им его (в частности, коллеги погибшего дали свидетельские показания о том, что погибший при

¹ Steele J. Op. cit. P. 172; Mulheron R. Op. cit. P. 412; McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 293.

² Mulheron R. Op. cit. P. 413.

³ Ibid. P. 415.

⁴ Ibid. P. 413.

наличии предохранительного пояса не надевал его, работая на высотах, значительно превышающих 70 футов);

– существовала очень низкая вероятность того, что погибший надел бы предохранительный пояс, если бы был им обеспечен.

Суд отказал в иске, указав на то, что между нарушением, допущенным работодателем, и смертью строителя отсутствует причинная связь, поскольку погибший с высокой вероятностью не надел бы предохранительный пояс, даже если он и был бы обеспечен работодателем¹.

Иногда тест «более вероятно, чем нет» заменяется тестом «дублирования риска» («*doubling the risk*»). Применяя данный тест, суды исследуют вопрос о том, увеличило ли бы противоправное поведение ответчика ранее существовавшую вероятность причинения вреда, который фактически был причинен потерпевшему, более чем в два раза, и если такой факт установлен, то суды признают, что поведение ответчика, более вероятно, чем нет, являлось причиной вреда².

Так, в деле *Shortell v. BICAL Construction Ltd.* (2008) потерпевший умер из-за рака легких. В период работы у ответчика погибший подвергался воздействию асбеста. Больше с асбестом погибший нигде не контактировал, однако являлся заядлым курильщиком. И влияние асбеста, и курение часто являются причинами рака легких. Истец (наследник погибшего) смог доказать, что контактирование погибшего с асбестом более чем в два раза увеличило риск заболевания раком в результате курения, в связи с чем исковые требования были удовлетворены³.

Практике известны случаи, когда недобросовестные ответчики пытались использовать тест необходимого условия для того, чтобы избежать привлечения к ответственности, как, например, в деле *Bolitho v. City & Hackney Health Authority* (1997). Мальчик был доставлен в больницу с дыхательными проблемами. Врач утверждал, что даже если бы он осмотрел мальчика, то все равно не смог бы сделать ему интубацию (введение специальной трубки в трахею с целью обеспечения проходимости дыхательных путей), в связи с чем его бездействие не является причиной смерти мальчика. Палата Лордов не согласилась с таким подходом и отметила, что причинно-следственная связь может быть установлена, если истец докажет, что:

– либо врач, если бы оказал помощь пациенту, сделал бы интубацию;

– либо врач, если бы оказал помощь пациенту, должен был сделать интубацию, поскольку отказ врача от данной процедуры был бы проявлением халатности⁴.

В некоторых случаях английские суды допускают возможность использования эпидемиологических и статистических доказательств для доказывания при-

¹ *Mulheron R.* Op. cit. P. 413–414.

² *McBride N., Bagshaw R.* Op. cit. P. 295; *Mulheron R.* Op. cit. P. 436.

³ *Mulheron R.* Op. cit. P. 437.

⁴ *Elliott C., Quinn F.* Op. cit. P. 102.

чинной связи между правонарушением и наступившим вредом. Эпидемиологические доказательства ориентированы на установление причинно-следственной связи путем сопоставления количества людей, заболевших определенным заболеванием, которые были подвержены воздействию потенциального возбудителя заболевания, с общей численностью населения, страдающего от данного заболевания. К примеру, в деле *Corby Group Litigation* (1944) несколько истцов обратилось с иском, в котором утверждали, что завод загрязнил воздух тяжелыми металлами, в результате чего в 1986–1999 гг. в районах, прилегающих к заводу, родилось большое количество детей с врожденными дефектами. Врожденные дефекты новорожденных предположительно возникли из-за того, что их матери во время беременности дышали загрязненным воздухом. В результате эпидемиологического исследования был установлен факт необъяснимого увеличения количества детей, родившихся с врожденными дефектами, в районах, прилегающих к заводу, в 1986–1999 гг., в связи с чем суд признал наличие причинно-следственной связи между правонарушением, совершенным заводом (загрязнение воздуха), и врожденными дефектами детей, родившихся в указанный период в районах, прилегающих к заводу. Между тем статистические и эпидемиологические доказательства не могут быть использованы для целей перенесения бремени доказывания на ответчика¹.

В ситуациях, в которых невозможно достоверно установить каузальную цепь событий, которая привела к причинению вреда, суд при вынесении решения может основываться на презумпции наличия причинной связи между правонарушением и вредом при выполнении двух условий:

1) причиненный вред относится к тому виду вреда, который обычно следует за совершенным правонарушением, факт совершения которого доказан;

2) использование иного обоснования наличия причинной связи невозможно².

Данная концепция была применена в деле *Drake v. Harbour* (2008). Ответчиком проводились работы по замене электропроводки в доме. Когда собственник дома отсутствовал, ответчик установил гирлянду на чердаке, используя для этого старый кабель и не проверив его качество. Возник пожар, очаг которого был расположен на чердаке, в результате которого дом сгорел. Суд в условиях отсутствия возможности установления точной причины пожара предположил, что «вероятнее, чем нет» изоляция использованного ответчиком кабеля была повреждена, что и привело к пожару.

Данный тест не всегда работает удовлетворительно, поскольку в некоторых случаях обстоятельства, очевидно являющиеся причиной вреда, не удовлетворяют тесту необходимого условия³. Р. Райт приводит классические примеры, когда

¹ *Mulheron R.* Op. cit. P. 416–417.

² *Ibid.* P. 418.

³ *Steele J.* Op. cit. P. 168.

тест необходимого условия не работает¹, – это ситуации, когда первое обстоятельство, отличное от второго, было достаточным для причинения вреда, но было прервано вторым обстоятельством (вмешивающаяся причинная связь) или причинило вред одновременно со вторым обстоятельством (кумулятивная причинная связь²).

Данным исключениям и иным проблемам фактической причинной связи, связанным прежде всего с наличием нескольких причин вреда (альтернативная причинность, опережающая причинность, перерыв причинной связи)³, посвящен второй раздел настоящей статьи.

Тест необходимого условия не является единственным подходом к определению фактической причинной связи. Для разрешения ситуаций, когда необходимо оценить влияние нескольких обстоятельств на причинение вреда, каждое из которых повлияло или могло повлиять на возникновение вреда (альтернативная причинность, кумулятивная причинность)⁴, Г. Харт и Т. Оноре предложили использовать *NESS*-тест (*Necessary Element of Sufficient Set*): причиной следует считать лишь такое обстоятельство, которое является необходимым элементом набора условий, достаточных для наступления убытков. Позднее данная идея получила развитие в работах Р. Райта⁵.

Философской основой данного подхода является учение Д. Юма, который отверг господствовавшую ранее идею о том, что люди получают знания о причинности через непосредственное восприятие причинных сил, характерных для объектов или явлений. Он настаивал на том, что люди наблюдают определенную последовательность более или менее часто повторяющихся событий. Исходя из этих наблюдений у людей индуктивно появляется вера в то, что определенные предшествующие события не только сочетаются, но и являются достаточными для появления последующих событий, т.е. формируется вера в более или менее обоснованные каузальные законы и обобщения. Знания о причинности могут также основываться на применении аналогии или могут быть получены через образование, которое передает знания о причинности, полученные другими. Любое частное утверждение о причинной связи является не передачей прямого чувственного восприятия причинных сил, а скорее заявлением о том, что возникновение следствия иллюстрирует один или несколько причинных законов или обобщений. Д. Юм обращал внимание на необходимость отграничения причинно-значимых условий от причинно-безразличных, которое нужно для обеспечения того, чтобы

¹ *Wright R.W. Causation in Tort Law // California Law Review. 1985. Vol. 73(6). P. 1775–1776.*

² См. подробнее о данных проблемах далее.

³ *Mulheron R. Op. cit. P. 419–456.*

⁴ *McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 330–331.*

⁵ *Wright R.W. Op. cit. P. 1735–1828.*

набор совместно достаточных предшествующих условий включал только те условия, которые неизменно связаны с последствием. Таким образом, предшествующие условия должны быть ограничены теми, которые являются необходимыми для достаточности набора условий. Д. Юм утверждал, что определенное следствие всегда возникает под воздействием одной причины, т.е. для возникновения конкретного следствия должна иметь место уникальная, достаточная совокупность предшествующих условий.

Последователь Д. Юма, Дж.С. Милль, не соглашался с этой мыслью. Он заявлял, что у любого следствия может быть множество потенциальных причин, например, смерть может быть причинена отравлением, выстрелом, пожаром и т.д.

Г. Харт и Т. Оноре при разработке своей концепции также исходили из потенциальной множественности причин. Сущность понятия причинности, согласно их подходу, заключается в том, что отдельное условие является причиной конкретного последствия, если и только если оно было необходимым элементом набора предшествующих фактических условий, достаточных для возникновения последствия¹. При этом одним из необходимых условий такого набора является то, что вред еще не наступил в результате других фактических условий вне указанного набора². Результаты, к которым приводит применение *NESS*-теста, будут проанализированы далее в рамках обсуждения конкретных проблем фактической причинной связи.

2. Осложненные случаи фактической причинной связи

2.1. Альтернативная причинно-следственная связь

2.1.1. Неопределенность на стороне потенциальных причинителей вреда

Альтернативная причинно-следственная связь имеет место в ситуации, когда потерпевшему причиняется вред, однако достоверно определить, какое из обстоятельств явилось действительной причиной вреда, не представляется возможным³. Следовательно, альтернативная причинно-следственная связь характеризуется следующими признаками:

- 1) поведение каждого лица, «вовлеченного» в причинение вреда, могло стать причиной вреда (лица признаются «вовлеченными», если их действия по фактическим, пространственным и временным признакам были связаны с вредом);
- 2) один из правонарушителей точно причинил вред;
- 3) невозможно установить, кто конкретно причинил вред⁴.

¹ *Wright R.W.* Op. cit. P. 1789–1790.

² *Ibid.* P. 1795.

³ *Koziol H.* Op. cit. P. 140.

⁴ *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR)* / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3456–3457 // http://ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf.

Простой пример альтернативной причинной связи выглядит следующим образом: альпинисту А был причинен вред упавшим сверху камнем, в то же время рядом пролетел другой камень. Один из камней упал из-за небрежности альпиниста Б, другой – из-за небрежности альпиниста В. Однако, какой именно камень попал в альпиниста А, установить невозможно (другой распространенный пример: два охотника одновременно стреляют из своих ружей, одна из пуль попадает в третьего охотника; установить, чья пуля попала в третьего охотника, невозможно).

При строгом применении теста необходимого условия требование потерпевшего в данных случаях должно быть отклонено в связи с невозможностью установления действительного причинителя вреда. Таким образом, первым возможным решением проблемы альтернативной причинной связи является полный отказ в возмещении вреда, причиненного потерпевшему, в силу недоказанности причинной связи. Такой подход получил поддержку, в частности, в швейцарском праве¹.

Такое же решение поддерживается и французскими судами, которые требуют от потерпевшего доказательств не только наличия причинной связи между противоправным поведением и вредом, но и того, что вред причинен конкретным лицом. Кассационный суд несколько раз в своих решениях отмечал, что иск о возмещении ущерба не может быть удовлетворен, если причинно-следственная связь является гипотетической, сомнительной или неопределенной².

У. Гортон Роджерс отмечает, что в соответствии с английским правом иск пострадавшего не будет удовлетворен, поскольку вероятность того, что причиненный вред является результатом действий одного из ответчиков, никогда не превысит 50%³, что в силу концепции баланса вероятностей (*balance of probabilities*) исключает возможность удовлетворения требования потерпевшего.

Данное решение критикуется за то, что приводит к противоположным результатам при незначительных различиях в вероятностях. Так, упомянутый подход оставляет без ответа вопрос о том, почему лицо несет полную ответственность при вероятности 51% и полностью освобождается от ответственности при вероятности 49%⁴.

Многими правопорядками такой результат признается несправедливым, в связи с чем вред, причиненный потерпевшему, возмещается, несмотря на невозможность применения теста необходимого условия.

¹ Koziol H. Op. cit. P. 145.

² Galand-Carval S. Causation under French Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. P. 60.

³ Horton Rogers W.V. Op. cit. P. 50.

⁴ Koziol H. Op. cit. P. 148; Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law: «All or Nothing» or Partial Compensation in Cases of Uncertainty of Causation // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. P. 128–129.

Так, во Франции в определенных случаях допускается солидарная ответственность участников совместной деятельности. Как было указано выше, ранее французские суды отказывали потерпевшим в возмещении вреда в связи с недоказанностью причинно-следственной связи¹, кроме случая, когда можно доказать наличие недостатков в организации совместной деятельности (к примеру, охоты), которые могут быть вменены ее организатору или всем ее участникам².

В развитие последней идеи в настоящее время французские суды начали делать небольшие шаги навстречу потерпевшим. Если будет доказано, что, возможно, причинившие вред ответчики действовали совместно, то они могут быть привлечены к солидарной ответственности, основываясь на презумпции того, что участие в опасной деятельности является проявлением общей вины³. Например, в одном из дел группа из семи подростков бросала камни в другого подростка, причинив ему вред. Конкретного причинителя установить было невозможно. Все семь подростков были привлечены к солидарной ответственности, так как они принимали участие в деятельности, способной причинить вред⁴.

Солидарная ответственность может быть возложена также на лиц, ответственных за объект, причинивший вред (доктрина «*garde collective*»). В 1975 г. в описанной выше ситуации охотники А и Б были привлечены к солидарной ответственности, при этом суд основывался на том, что они коллективно контролировали ружья, из одного из которых была выпущена пуля, причинившая вред⁵.

Эффект, производимый концепциями совместной деятельности и коллективного контроля, заключается в создании презумпции того, что вред был причинен несколькими ответчиками, даже если причинная связь с действиями каждого из ответчиков не может быть доказана. Однако применение указанных концепций имеет определенные границы, так как они требуют соблюдения критерия территориальной и временной близости действий ответчиков и наступления вреда, поэтому охотники не будут привлечены к ответственности, если во время выстрелов они стояли на определенном расстоянии друг от друга или стреляли обособленно друг от друга⁷.

¹ *Galand-Carval S. Op. cit. P. 61; Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 748; Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3455.*

² *Морандьер Л.Ж. де ла. Гражданское право Франции. Т. 2. М.: Иностр. лит., 1960. С. 422.*

³ *Galand-Carval S. Op. cit. P. 61.*

⁴ *Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 748; Oliphant K. Op. cit. P. 1612; Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3455.*

⁵ *Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 751.*

⁶ *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3455; Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 751; Oliphant K. Op. cit. P. 1612.*

⁷ *Oliphant K. Op. cit. P. 1613.*

Другим способом решения проблемы альтернативной причинной связи является перераспределение бремени доказывания. Данный подход, в частности, воспринят американскими судами¹. В деле *Summers v. Tice* (1948) суд признал двух охотников, выстрел одного из которых причинил увечье третьему охотнику (истцу), солидарно ответственными перед истцом, перенеся на каждого из двух ответчиков бремя доказывания того, что вред был причинен другим ответчиком, чего ими сделано не было. При этом суд, перераспределяя бремя доказывания, исходил из того, что «лучше возложить риск на двух небрежных ответчиков, чем на невиновного истца»².

Решение по делу *Summers v. Tice* получило поддержку в третьем Своде деликтного права, который закрепил необходимость перенесения бремени доказывания на возможных причинителей вреда³.

Решение проблемы альтернативной причинной связи с помощью введения презумпции наличия причинной связи между действиями альтернативных ответчиков и наступившим вредом предлагается и Проектом общей системы координат европейского частного права (*Draft Common Frame of Reference – DCFR*). Комментаторы Проекта обосновывают такой подход ссылкой на общую идею справедливости. Лицо, которое нарушает свою обязанность перед потерпевшим или подвергает потерпевшего более высокому риску, не должно освобождаться от ответственности только из-за того, что другое лицо также нарушило свою обязанность перед потерпевшим или подвергло потерпевшего более высокому риску и по этой причине невозможно достоверно определить причинителя вреда. Этот риск должны нести правонарушители, а не потерпевший⁴.

В научной литературе были высказаны некоторые сомнения в обоснованности принципа, заложенного в решении по делу *Summers v. Tice*. Р. Райт отмечает, что при увеличении числа ответчиков (из которых только один в действительности причинил вред) справедливость возложения риска на всех них уже не представляется столь бесспорной. Кроме того, данное решение часто будет приводить к тому, что истцы не будут получать никакой компенсации. Речь идет о том, что для применения правила из дела *Summers v. Tice* необходимо установить наличие всех оснований деликтной ответственности (кроме причинно-следственной связи) в отношении всех ответчиков. Если, например, в истца стреляло 10 человек, но в отношении только трех из них установлена небрежность, то истец не получит никакого возмещения⁵.

¹ Schwartz G.T. Causation under US Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. P. 126.

² Wright R.W. Op. cit. P. 1816–1817; Prosser W.L. Op. cit. P. 389–390.

³ Oliphant K. Op. cit. P. 1603.

⁴ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3452.

⁵ Wright R.W. Op. cit. P. 1818.

В качестве другого решения проблемы предлагается признать достаточной для привлечения к ответственности потенциальную причинную связь между действиями альтернативных ответчиков и наступившим ущербом.

Германское гражданское уложение (далее – ГГУ) в § 830 предусматривает, что альтернативные причинители должны нести солидарную ответственность перед потерпевшим: «Если несколько лиц, совершая недозволенное действие, сообща причинят вред, то каждый из них отвечает за этот вред. Это правило применяется и тогда, когда нельзя установить, кто из нескольких участников нанес вред своим действием»¹.

Ф. Быдлински полагает, что в данном случае немецкое право снижает требование к причинной связи и допускает привлечение к ответственности на основании потенциальной причинной связи, не требуя от истца доказательств того, что поведение ответчика было необходимым условием вреда. При этом к другим же основаниям ответственности, в частности к противоправности и вине, предъявляются более высокие требования, чем обычно: требуется, чтобы поведение альтернативного ответчика вызвало высокую и реальную вероятность причинения вреда. Поэтому действия, породившие незначительную вероятность причинения вреда, не могут влечь гражданско-правовую ответственность².

Ф. Быдлински видит основание для возложения ответственности на альтернативных ответчиков в том, что наличие у потерпевшего права требовать возмещения вреда уже установлено, а неясным остается только вопрос о том, чьи именно действия стали основанием для возникновения такого права. Этим, по его мнению, оправдывается признание в качестве достаточного условия для ответственности наличия противоправного, виновного поведения, являющегося опасным и потенциально причинно-связанным с наступившим вредом³. К. Канарис обращал внимание на то, что освобождение лица, которое с высокой долей вероятности причинило вред, от ответственности только на том основании, что вред мог быть причинен кем-то еще, является необоснованной привилегией. Кроме того, К. Канарис обосновывает солидарную ответственность альтернативных причинителей вреда тем, что именно их противоправное и виновное поведение привело к возникновению неустранимой неопределенности⁴.

К. Олифант указывает, что § 830 ГГУ решает проблему альтернативной причинной связи с помощью перераспределения бремени доказывания: действия

¹ Второе предложение относится именно к случаю альтернативной причинной связи, когда потенциальные причинители вреда действуют отдельно друг от друга, поскольку совместное причинение вреда охватывается первым предложением параграфа. См.: *Oliphant K.* Op. cit. P. 1611.

² *Bydlinski F.* Causation as a Legal Phenomenon // *Causation in Law* / Ed. by L. Tichý. P. 18; *Koziol H.* Op. cit. P. 143.

³ Цит. по: *Koziol H.* Op. cit. P. 142.

⁴ Цит. по: *Ibidem.*

нескольких ответчиков предполагаются находящимися в причинно-следственной связи с наступившим вредом, пока ими не доказано обратное¹.

Х. Коциоль категорически не соглашается с таким мнением: поскольку поведение каждого ответчика, рассмотренное в отдельности, являлось очень рискованным, причинная связь между поведением каждого из них и наступившим вредом должна быть признана доказанной. Если же рассматривать действия правонарушителей не в отдельности, а совместно, то распределение бремени доказывания также не может помочь – презумпция наличия причинной связи должна применяться к обоим ответчикам, хотя достоверно известно, что вред был причинен только одним из альтернативных ответчиков. Таким образом, Х. Коциоль заключает, что альтернативная причинно-следственная связь не связана с процессуальным вопросом распределения бремени доказывания, а проблема решается на уровне материального права, признающего достаточным наличие только потенциальной причинно-следственной связи².

В российской науке решение проблемы альтернативной причинной связи путем возложения на потенциальных причинителей вреда солидарной ответственности предлагается С.В. Назариковым, который обосновывает данную позицию допустимостью расширительного толкования ст. 1080 ГК РФ, устанавливающей солидарную ответственность совместных причинителей вреда, а также ссылкой на положительный опыт и практику близких к российскому правопорядков³.

Еще одним возможным решением проблемы альтернативной причинной связи является долевая ответственность альтернативных ответчиков – оно предлагается Принципами европейского деликтного права (ст. 3:103) и австрийским проектом по реформе деликтного права (§ 1294).

Так, ст. 3:103 Принципов европейского деликтного права, устанавливая долевую ответственность потенциальных причинителей вреда, рекомендует определять размер доли каждого ответчика пропорционально вероятности, с которой он мог причинить вред потерпевшему: «При множественности действий, каждое из которых само по себе могло быть достаточным для причинения вреда, однако невозможно определить, какое из них фактически причинило вред, каждое действие признается причиной в размере, соответствующем вероятности, с которой оно могло причинить вред потерпевшему».

Авторы Принципов отмечают, что отсутствуют убедительные доводы в пользу того, чтобы кто-то платил за весь вред, который он, возможно, не причинил, с другой стороны, отказ потерпевшему в каком-либо возмещении будет слишком суровой мерой⁴.

¹ *Oliphant K. Op. cit. P. 1612.*

² *Koziol H. Op. cit. P. 142.*

³ *Назариков С.В. Указ. соч. С. 187.*

⁴ *Oliphant K. Op. cit. P. 1616.*

В поддержку решения о долевой ответственности также приводятся следующие аргументы: отмечается, что распределение ответственности за причиненный вред знакомо практически всем правопорядкам применительно к случаям вины кредитора, поэтому разрешение проблемы путем механизма долевой ответственности не будет чем-то новым¹.

Э. Штарк указывает, что в ситуации альтернативной причинной связи речь идет об ответственности в отсутствие доказанной причинной связи, в связи с чем на альтернативных ответчиков не должна возлагаться такая жесткая мера, как солидарная ответственность. Кроме того, отмечается, что решение о солидарной ответственности альтернативных ответчиков необоснованно переносит риск несостоятельности одного из альтернативных ответчиков с потерпевшего на другого альтернативного ответчика. Если бы было установлено, что вред был причинен только одним из альтернативных ответчиков, то в случае его несостоятельности требование потерпевшего не было бы удовлетворено. Потерпевший не может быть освобожден от этого риска только в силу наличия неопределенности в фигуре действительного причинителя вреда².

Критики распределения ответственности между альтернативным ответчиком и потерпевшим указывают на то, что последовательное применение такого подхода приведет к тому, что любое сомнение относительно причинной связи автоматически породит ситуацию альтернативной причинной связи. Абсолютно на всех лиц, кто действовал неправомерно и виновно и тем самым, вероятно, мог причинить вред, должна быть возложена обязанность по возмещению определенной части причиненного вреда. Для решения данной проблемы сторонниками долевого подхода для целей оценки вероятности того, что конкретное действие стало причиной вреда, предлагается установить некий порог существенности (к примеру, 10%) и только при превышении данного порога использовать механизм долевой ответственности. Кроме того, применение долевой ответственности исключается (присуждается полное возмещение) в случаях, когда вероятность того, что вред был причинен не в результате поведения ответчика, не превышает порогового значения³.

Применительно к решению проблемы альтернативной причинной связи интересен английский опыт. Английское право при рассмотрении дел, связанных с «массовыми» деликтами, руководствуется следующим прецедентом: в 2002 г. в деле *Fairchild v. Glenhaven Funeral Services* Палата Лордов столкнулась с иском работника, заболевшего мезотелиомой при осуществлении трудовой деятельности в связи с вынужденным контактом с асбестом, к компаниям, являвшимся

¹ *Graziano T.K.* Op. cit. P. 140.

² Цит. по: *Koziol H.* Op. cit. P. 146.

³ *Faure M.G., Bruggeman V.* Causal Uncertainty and Proportional Liability // *Causation in Law* / Ed. by L. Tichý. P. 114. См. также: *Koziol H.* Op. cit. P. 149.

в разное время его работодателями. В связи с длительным инкубационным периодом мезотелиомы и неуверенностью ученых в ее этиологии невозможно было установить на основе баланса вероятностей, что конкретный ответчик причинил вред здоровью истца. Несмотря на это, судьи допустили предъявление требования о возмещении вреда ко всем работодателям, которых признали ответственными на основании их вклада в увеличение риска заболевания болезнью. Суд учел тот факт, что несправедливость привлечения работодателя к ответственности без доказательств того, что он причинил истцу вред, сильно перевешивается несправедливостью лишения компенсации потерпевшего, которому несомненно был причинен вред в результате материализации риска, увеличению вероятности которого непропорционально способствовали ответчики¹.

Между тем в деле *Fairchild v. Glenhaven Funeral Services* Палата Лордов, признав всех работодателей ответственными за причинение вреда работнику, не уточнила, в солидарном или долевом порядке ответчики должны нести ответственность².

Данный вопрос был разрешен Палатой Лордов четыре года спустя в решении по делу *Barker v. Corus (UK) Ltd.* (2006). Палата Лордов отметила, что ответчики должны нести долевую ответственность, при этом размер доли каждого ответчика соответствует размеру риска заражения мезотелиомой, которому конкретный ответчик подверг потерпевшего³.

Такое решение вызвало незамедлительную реакцию со стороны рабочего движения, и через несколько недель Парламент Законом о компенсации (2006) восстановил принцип солидарной ответственности всех работодателей применительно к заболеваниям мезотелиомой. Теоретически в остальных случаях (кроме заболеваний мезотелиомой) в качестве общего правила сохранился принцип долевой ответственности, однако Закон о компенсации сделал такие дела исключениями⁴.

Российские суды интуитивно также придерживаются принципа долевой ответственности потенциальных причинителей вреда. Так, при рассмотрении дел о взыскании морального вреда в связи с профессиональным заболеванием суды учитывают, что такие заболевания возникают не одномоментно, а в результате длительного многократного воздействия на организм работника вредных производственных факторов, в связи с чем исключить степень вредности их воздействия на состояние здоровья работника в период работы у одного из нескольких его работодателей как не повлиявшую на возникновение профессионального заболевания невозможно⁵. Суды исходят из принципа долевой ответственности работодателей потерпевшего, главным критерием при определении разме-

¹ *Oliphant K.* Op. cit. P. 1613.

² *McBride N., Bagshaw R.* Op. cit. P. 299.

³ Ibid. P. 300.

⁴ *Oliphant K.* Op. cit. P. 1615.

⁵ Апелляционное определение Томского областного суда от 28 марта 2014 г. по делу № 33-911/2014.

ра ответственности каждого работодателя выступает период времени, в течение которого потерпевший осуществлял связанную с возникновением профессионального заболевания трудовую деятельность у конкретного работодателя¹.

2.1.2. Неопределенность на стороне потенциальных причинителей вреда, при условии, что одной из потенциальных причин является обстоятельство, относящееся к собственной сфере потерпевшего

Осложненный пример альтернативной причинной связи отличается от классического казуса тем, что второй возможной причиной вреда является либо событие, за которое ни альтернативный ответчик, ни потерпевший не отвечают (например, второй камень упал в результате действий животного), либо собственное поведение потерпевшего (к примеру, второй камень был подброшен вверх самим потерпевшим). Более приближенный к реальной жизни пример связан с ситуациями, когда потерпевший, заболевший мезотелиомой, контактировал с асбестовой пылью как в период своей работы по найму, так и в период своей самозанятости.

Одной крайностью является присуждение потерпевшему полного возмещения в случае, если он сможет доказать наличие причинно-следственной связи между поведением ответчика и причиненным ему вредом. Если истцу не удастся это доказать, то он не получит ничего (подход «все или ничего»). Х. Коциоль отмечает: принятие подхода «все или ничего» на практике приведет к тому, что потерпевшие никогда не будут получать возмещение вреда (из-за объективной сложности доказывания причинно-следственной связи)².

Другой крайностью является возложение на ответчика полной ответственности при сохранении существенной вероятности того, что вред, причиненный потерпевшему, был вызван его собственными действиями.

В 2006 г. в решении по делу *Barker v. Corus (UK) Ltd.* Палата Лордов указала, что потерпевший вправе требовать от своего работодателя возмещения вреда даже в том случае, если потерпевший контактировал с асбестовой пылью в том числе и в период самозанятости³.

Вопрос о том, отвечает работодатель в полном объеме или только в размере, пропорциональном его вкладу в риск заболевания потерпевшим, был разрешен Верховным судом Великобритании в 2011 г. в решении по делу *Sienkiewicz v. Greif*. Верховный суд Великобритании указал, что работодатель должен нести ответственность в полном объеме. Обоснованность данного правила подвергается сомнению в английской литературе. В частности, критики решения

¹ Апелляционные определения Челябинского областного суда от 3 марта 2015 г. по делу № 11-2021/2015, от 4 апреля 2014 г. по делу № 11-3459/2014.

² *Kozioł H.* Op. cit. P. 147.

³ *McBride N., Bagshaw R.* Op. cit. P. 300.

обращают внимание на несправедливость возложения на работодателя ответственности по возмещению вреда в полном объеме в случаях, когда работодатель ответственен только за малую часть воздействия на потерпевшего асбестовой пыли (к примеру, в случаях, когда потерпевший в период работы по найму контактировал с асбестовой пылью в течение двух недель, а в период самозанятости – в течение шести месяцев)¹.

Представляется, что наиболее сбалансированным решением является распределение ответственности между потенциальным причинителем вреда и потерпевшим. Так, Ф. Быдлински² и Х. Коциоль³ предлагают на ответчика возложить частичную ответственность на основе потенциальной причинно-следственной связи (при условии, что действия ответчика создали высокую вероятность причинения вреда), а на потерпевшего – риск того, что вред вызван обстоятельством, за которое никто не отвечает, или причинен собственными действиями потерпевшего.

Подход, основанный на распределении ответственности между потенциальным причинителем вреда и потерпевшим, получил поддержку в Принципах европейского деликтного права⁴.

Критики распределения ответственности между альтернативным ответчиком и потерпевшим указывают на то, что последовательное применение такого решения приведет к тому, что любое сомнение относительно причинной связи автоматически должно будет порождать ситуацию альтернативной причинной связи. Во всех случаях, когда причинная связь не может быть установлена со 100%-ной вероятностью, необходимо будет сделать вывод о том, что причинение вреда вызвано обстоятельством, за которое никто не отвечает.

Х. Коциоль указывает, что данная аргументация не учитывает того факта, что распределение ответственности применяется только в том случае, если два обстоятельства создали очень высокую степень риска и, таким образом, являются потенциальными причинами, а не при наличии любого сомнения относительно причинной связи⁵.

2.1.3. Неопределенность как на стороне потенциальных причинителей вреда, так и на стороне потерпевших

Еще более сложный пример альтернативной причинной связи характеризуется наличием неопределенности не только на стороне потенциальных причинителей вреда, но и на стороне потерпевших:

---

¹ *McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 301.*

² *Bydlinski F. Op. cit. P. 19.*

³ *Kozioł H. Op. cit. P. 147–148.*

⁴ *Oliphant K. Op. cit. P. 1624.*

⁵ *Kozioł H. Op. cit. P. 149.*

1) поведение каждого альтернативного ответчика причинило вред одному из альтернативных потерпевших;

2) каждому альтернативному потерпевшему причинен вред одним из альтернативных ответчиков;

3) невозможно установить, кто именно из числа альтернативных ответчиков причинил вред конкретному потерпевшему (невозможно соотнести альтернативных ответчиков и альтернативных потерпевших между собой)¹.

В казусе с альпинистами данный вид альтернативной причинной связи будет выглядеть следующим образом: альпинисты А и Б уронили по одному камню, один из которых попал в альпиниста В, а другой в альпиниста Г, причинив им вред, при этом невозможно установить, чей камень попал в альпиниста В, а чей – в альпиниста Г.

Аналогичная проблема встает и в так называемых массовых деликтах, например, при причинении вреда большому количеству покупателей товарами плохого качества, которые поставлялись на рынок несколькими производителями.

Наиболее простым решением является отказ в удовлетворении иска в связи с недоказанностью причинной связи. По мнению представителей французской доктрины, такое решение, вероятнее всего, будет вынесено французским судом².

Вместе с тем в литературе и практике существует тенденция толковать неопределенность в причинной связи против потенциальных причинителей вреда³.

Первым вариантом решения проблемы в пользу потерпевших может быть прикрепление конкретного потерпевшего к конкретному правонарушителю, но это будет очевидно нарушать принцип равенства, поскольку кому-то может достаться несостоятельный ответчик. Такое решение переносит риск несостоятельности одного из правонарушителей на одного из пострадавших, что представляется несправедливым⁴.

Другим механизмом решения проблемы является перенесение бремени доказывания на потенциального причинителя вреда (перенесение риска неопределенности в причинной связи на потенциального причинителя вреда). Однако такое решение возлагает на потенциального причинителя вреда обязанность возместить весь вред, который был причинен всем потерпевшим (поскольку потенциальный причинитель вреда в большинстве случаев не сможет доказать, что не его действия стали причиной вреда), хотя в действительности потенциальный причинитель вреда мог только увеличить общее количество потерпевших⁵.

¹ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3456–3457.

² Galand-Carval S. Op. cit. P. 61.

³ Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 105.

⁴ Koziol H. Op. cit. P. 161.

⁵ Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 106.

С одной стороны, вероятно, могут существовать некоторые основания для возложения на потенциального причинителя вреда ответственности за вред, который мог быть причинен другим лицом (в частности, желание защитить интересы невиновных потерпевших), с другой стороны, существуют большие сомнения в справедливости и эффективности такого подхода.

Другим возможным решением проблемы является возложение на каждого ответчика солидарной ответственности перед каждым потерпевшим (такой подход получил поддержку в праве Германии и Нидерландов)¹. С одной стороны, такое решение может быть оправдано тем, что каждый из альтернативных ответчиков точно причинил кому-то вред, т.е. ответственность не будет возложена на лиц, которые никому вреда не причиняли. С другой стороны, нельзя забывать о том, что каждый из виновных альпинистов причинил вред только одному пострадавшему и не может нести ответственность перед всеми пострадавшими. Солидарная ответственность перед каждым из пострадавших возлагает на альтернативного ответчика обязанность возместить вред лицу, которому он точно никакого вреда не причинял².

Учитывая недостатки приведенных подходов, Х. Коциоль предлагает в качестве верного решения долевую ответственность каждого причинителя вреда перед каждым потерпевшим³.

Применительно к массовым деликтам ответственность альтернативных ответчиков может быть распределена пропорционально доле, занимаемой конкретным производителем на соответствующем рынке (такой подход получил поддержку во Франции⁴ и в Нидерландах⁵).

Проблема массовых деликтов известна и США, но среди американских судов отсутствует единый подход к проблеме. Некоторые суды отказывают в возмещении вреда полностью. Другие суды взыскивают с производителей в пользу конкретных потерпевших возмещение вреда, пропорциональное их доле на рынке⁶. Так, в деле *Sindell v. Abbott Laboratories* (1980) Верховный суд штата Калифорния скорректировал подход, изложенный в деле *Summers v. Tice*. Суд отметил, что потерпевший может предъявить иск не ко всем компаниям, действующим на соответствующем рынке, а только к компаниям, составляющим «значительную долю» на рынке (точный размер такой доли не определен и примерно находится в диапазоне между 50 и 75%). Суд предложил исходить из долевой ответственности каждого ответчика пропорционально его доле на соответствующем рынке.

¹ *Koziol H.* Op. cit. P. 159.

² *Ibid.* P. 160.

³ *Ibidem.*

⁴ *Galand-Carval S.* Op. cit. P. 61.

⁵ *Oliphant K.* Op. cit. P. 1616.

⁶ *Schwartz G.T.* Op. cit. P. 126.

Критерий «значительной доли» на рынке был введен для того, чтобы гарантировать реальную вероятность того, что компания, которая действительно причинила вред истцу, предстала перед судом¹.

Г. Харт и Т. Оноре отмечают, что производитель признается членом группы лиц, вовлеченных в опасную деятельность, которые коллективно обязаны возместить вред, причиненный в результате этой деятельности², т.е. производители коллективно страхуют свою ответственность перед потребителями³.

Р. Райт полагает, что подход, принятый в деле *Sindell v. Abbott Laboratories*, не лишен недостатков. При таком подходе суд должен распределить возмещение 100% вреда между участвующими в конкретном деле ответчиками пропорционально доле каждого на рынке, хотя ответчики, как правило, не будут представлять 100% участников рынка (поскольку к участию в конкретном деле в качестве ответчиков будут привлечены не все участники рынка, а только те, которые составляют «значительную долю»). Следовательно, ответчики (как правило, крупнейшие фирмы) будут отвечать в большем размере, чем их реальная доля на рынке⁴.

По мнению Р. Райта, с теоретической точки зрения подход, предложенный в деле *Sindell v. Abbott Laboratories*, выглядит убедительнее, если рассматривать его в качестве ответственности за подвержение риску определенного рода, а не в качестве ответственности за причинение определенной части вреда. В сущности суд признал новый вид вреда – подвержение риску, которое, возможно, привело к последующему вреду. Размер рыночной доли компании отражает ее вклад в совокупный риск, которому были подвергнуты истец и все остальные потребители на соответствующем рынке. Размер убытков, относимых к конкретному производителю, может быть рассчитан исходя из размера фактически причиненного вреда, умноженного на долю конкретного производителя. Однако если истец докажет, что вред был причинен конкретным производителем, то истец вправе взыскать с него убытки в полном объеме.

С другой стороны, производитель не будет нести какой-либо ответственности, если сможет доказать, что не продавал потерпевшему причинивший ему вред товар. Подход, предложенный Р. Райтом, не предполагает необходимости привлечения к участию в деле в качестве ответчиков компаний, составляющих «существенную долю» на соответствующем рынке, поскольку он делает акцент на вкладе ответчика в образование совокупного риска, а не на вкладе в возникновение ущерба. Подход, соответствующий идеям Р. Райта, применялся, в частности, Верховным судом штата Висконсин и Верховным судом штата Вашингтон⁵.

¹ *Wright R.W. Op. cit. P. 1819.*

² *Hart H.L.A., Honoré T. Causation in the Law. Oxford: Clarendon Press, 1985. P. 102.*

³ *Ibid. P. 424.*

⁴ *Wright R.W. Op. cit. P. 1819.*

⁵ *Ibid. P. 1820.*

Примечателен подход экономического анализа права к решению проблемы массовых деликтов. Экономический анализ деликтного права исходит из того, что ответственность является инструментом для предотвращения определенного нежелательного поведения. Отправная точка экономического анализа права, заключающаяся в том, что причинитель вреда должен нести ответственность только за тот вред, который он фактически причинил, приводит к необходимости разрешения проблемы неопределенности в вопросе о наличии причинной связи между правонарушением и наступившим вредом. Сторонниками экономического анализа права рассматриваются четыре варианта решения проблемы¹:

1) правило «все или ничего» в пользу потерпевшего: если имеется какая-либо заметная вероятность того, что деятельность ответчика причинила вред, все потерпевшие получают 100%-ное возмещение;

2) правило «все или ничего» в пользу потенциального причинителя вреда: если имеется какая-либо заметная вероятность того, что деятельность ответчика не причинила вред, ни один потерпевший не получает возмещение вреда;

3) правило об ответственности при преодолении определенного порога вероятности: если вероятность того, что вред был причинен ответчиком, превышает определенный порог, например 50%, то потерпевший получает полное возмещение; если не превышает, то потерпевший не получает никакого возмещения;

4) правило о долевой ответственности, учитывающее вероятность причинения вреда конкретным лицом: если установлено, что вероятность причинения вреда конкретным лицом составляет, к примеру, 40%, то потерпевший вправе требовать от такого лица возмещения 40% причиненного ему вреда.

Первое решение (правило «все или ничего» в пользу потерпевшего) предлагает присуждать потерпевшему полное возмещение вреда, даже если вероятность того, что вред был причинен в результате деятельности ответчика, является относительно низкой, скажем, 30%. Это означает, что существует 70%-ная вероятность того, что вред потерпевшему был причинен не в результате деятельности ответчика. Если ответчик будет привлечен к ответственности в полном объеме, несмотря на то, что вероятность того, что вред был причинен именно им, составляет всего 30%, то это может устранить стимулы для занятия социально значимой деятельностью (к примеру, фармакологией)².

У. Лэндс и Р. Познер, доказывая несостоятельность первого решения, приводят следующий пример: предположим, атомная станция осуществляет незаконный выброс радиации в окружающую среду. Установлено, что выброс радиации может повлечь за собой увеличение в ближайшие 20 лет количества людей, забо-

¹ Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 108–109. См. также: Ben-Shahar O. Causation and Foreseeability // Tort Law and Economics / Ed. by M. Faure. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. P. 91–92.

² Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 110.

левших раком, со 100 до 111. Экономическая теория исходит из того, что атомная станция должна отвечать только за 11 дополнительных случаев заболевания раком, но не за 100 случаев заболевания раком, которые случились бы независимо от деятельности атомной станции. Следовательно, атомная станция должна нести ответственность только в той степени, в которой ее деятельность способствовала увеличению риска заболевания. Проблема заключается в том, что невозможно выделить те 11 случаев заболевания, которые были вызваны выбросом радиации на атомной станции. Для каждого лица, заболевшего раком, вероятность того, что болезнь была вызвана выбросом радиации, была увеличена примерно на 10%. Если согласиться с тем, что каждое из 111 лиц, заболевших раком, вправе потребовать от атомной станции возмещения вреда, то такое решение будет не только неэффективным, но и несправедливым. Оно будет означать, что в 100 случаях из 111 атомная станция заплатила компенсацию за вред, которого не причиняла. У. Лэндс и Р. Познер утверждают, что наиболее эффективным является следующее решение: каждый потерпевший вправе потребовать от конкретного ответчика возмещения причиненного ему вреда в доле, соответствующей вероятности причинения данного вреда конкретным ответчиком (что в обсуждаемом примере составляет около 10%)¹.

Второе решение (правило «все или ничего» в пользу потенциального причинителя вреда) также не является эффективным и справедливым с точки зрения экономического анализа права. Данное решение требует от потерпевшего доказательств того, что с вероятностью 100% причиненный ему вред является следствием поведения конкретного ответчика. Такое жесткое требование будет означать, что в большом количестве случаев причинители вреда будут избегать ответственности в ситуациях, когда их действия действительно создали дополнительный риск причинения вреда, что не соответствует целям превенции².

Пороговое решение предполагает, что требование потерпевшего к конкретному ответчику о возмещении вреда удовлетворяется в полном объеме в случае, если вероятность причинения вреда данным ответчиком превышает определенный порог, к примеру, 50%. Если же такая вероятность не превышает 50%, то потерпевший не получает никакого возмещения.

Первой проблемой такого решения является возможность существования ситуации, когда вероятность причинения вреда конкретным лицом систематически не будет превышать пороговое значение. Предположим, что существует 40%-ная вероятность того, что деятельность фабрики приводит к возникновению раковых заболеваний у жителей районов, прилегающих к фабрике. При наличии 50%-ного порога это будет означать, что фабрика, подвергающая жите-

¹ Landes W.M., Posner R. Causation in Tort Law: An Economic Approach // Journal of Legal Studies. 1983. Vol. XII. P. 123-124.

² Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 111.

лей 40%-ному риску заболевания раком, всегда будет избегать ответственности, что приведет к тому, что потерпевшие останутся без возмещения, а у фабрики не будет стимулов для совершенствования технологии с целью уменьшения вредности производства для жителей близлежащих районов. Кроме того, допустим, что 100 лиц, заболевших раком, предъявляют к фабрике иски о возмещении вреда, при этом заболевание 40 из этих 100 лиц могло быть вызвано деятельностью фабрики. Между тем, учитывая то, что в отношении каждого конкретного потерпевшего вероятность того, что его заболевание является следствием деятельности фабрики, всегда будет меньше 50%, фабрика не возместит вред ни одному из потерпевших¹.

Таким образом, «пороговому» решению свойственны те же недостатки, что и правилам, основанным на принципе «все или ничего».

В пользу порогового решения иногда приводится аргумент о том, что такой подход стимулирует потерпевших к развитию деятельности по сбору доказательств в целях установления действительных причинителей вреда, а при долевом подходе потерпевшие в этом заинтересованы не будут, имея возможность получить возмещение даже в ситуации неопределенности в вопросе причинной связи. Вместе с тем данный аргумент можно повернуть и в пользу долевого подхода: долевая ответственность точно так же стимулирует потенциальных причинителей вреда к улучшению деятельности по сбору доказательств, в связи с чем вышеуказанный довод сам по себе не может обосновать преимущество какого-либо подхода².

По мнению представителей экономического анализа права, наиболее верным решением является правило о долевой ответственности, согласно которому потерпевший вправе требовать от потенциального причинителя вреда возмещения в размере, пропорциональном вероятности причинения вреда конкретным лицом (т.е. если вероятность того, что вред, причиненный потерпевшему, является следствием поведения конкретного ответчика, составляет 40%, то потерпевший вправе потребовать от данного ответчика возмещения 40% причиненного ему вреда). В предыдущем примере правило о долевой ответственности приведет к тому, что фабрика должна будет компенсировать 40% вреда, причиненного каждому потерпевшему, что в совокупности равнозначно возмещению вреда, причиненного 40 из 100 потерпевших, болезнь которых могла быть следствием деятельности фабрики³.

Применительно к случаям ответственности за недостатки товаров долевого подход может принимать форму ответственности пропорционально доле потенциального причинителя вреда на соответствующем рынке⁴.

¹ Faure M.G., *Bruggeman V.* Op. cit. P. 112.

² Ben-Shahar O. Op. cit. P. 93.

³ Faure M.G., *Bruggeman V.* Op. cit. P. 113.

⁴ Ibid. P. 114.

С точки зрения экономического анализа права преимуществом долевой ответственности является то, что данный подход возлагает на ответчика ответственность только за дополнительный риск, созданный его деятельностью. В результате потенциальный причинитель вреда получает оптимальные стимулы для предотвращения негативных последствий своей деятельности¹.

В литературе высказывается ряд доводов против принципа долевой ответственности. Во-первых, отмечается, что очень сложно посчитать вероятность того, что некоторое событие привело к причинению вреда. Между тем данный аргумент в равной мере применим и к другим подходам, предлагающим иные решения проблемы неопределенности причинной связи (подходы, основанные на принципе «все или ничего», и «пороговый» подход), в связи с чем сам по себе не может доказывать ошибочность долевого подхода².

Во-вторых, долевой подход критикуется за то, что порождает более высокие административные издержки, чем «пороговый» подход. «Пороговый» подход исключает большое количество исков о возмещении вреда, в то время как с позиции долевого подхода любая вероятность того, что вред мог быть причинен некоторым событием, должна порождать право на иск. Для решения данной проблемы сторонниками долевого подхода предлагается установить некий порог существенности (например, 10%) и только при превышении данного порога использовать механизм долевой ответственности. В равной мере предлагается исключить применение долевой ответственности и присуждать полное возмещение в случаях, когда вероятность того, что конкретное действие привело к причинению вреда, превышает 90%³.

2.2. Применение концепции альтернативной причинной связи для разрешения проблемы «утраты шанса»

Существует несколько классических категорий споров, в которых встает вопрос о возможности возмещения убытков в связи с «утратой шанса» в результате противоправного поведения ответчика⁴:

- 1) юрист пропустил срок на подачу апелляционной жалобы, фактически лишив своего клиента любых шансов на выигрыш дела;
- 2) врач совершил врачебную ошибку, из-за чего пациент потерял все шансы на выздоровление;
- 3) из-за действий ответчика истец не смог принять участие в конкурсе, в котором истец мог победить.

¹ Ben-Shahar O. Op. cit. P. 95; Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 113.

² Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 113–114.

³ Ibid. P. 114.

⁴ Graziano T.K. Op. cit. P. 124–127.

Согласно доктрине «потерянного шанса» основанием для возложения ответственности является не нарушение субъективного права, являющегося традиционным объектом защиты, а сама по себе «утрата шанса». Таким образом, доктрина «потерянного шанса» меняет объект правовой защиты. Например, во втором примере (врачебная ошибка) основанием для ответственности является не причинение вреда здоровью (вред здоровью пациента уже был причинен до совершения врачом ошибки), а возможность пациента восстановить свое здоровье¹.

Некоторые правовые порядки (Германия) не допускают взыскания ущерба в связи с утратой шанса в качестве общего правила, за исключением случаев грубого нарушения врачом своих профессиональных обязанностей², когда наличие причинно-следственной связи будет презюмироваться³. Врач будет привлечен к ответственности, если не докажет, что его небрежность не стала причиной вреда. Если ему это удастся, то пациент не получит никакого возмещения, если нет – врач будет нести ответственность в полном объеме.

В пользу недопустимости возмещения «утраты шанса» приводятся следующие аргументы.

Противниками концепции «утраты шанса», в частности, указывается на то, что отсутствие у потерпевшего возможности доказать с высокой степенью вероятности наличие причинной связи относится к обычным жизненным рискам и не должно приводить к специальному регулированию проблемы⁴.

Х. Штоль отмечает, что шанс на восстановление не относится к охраняемым законом благам. Признание шанса в таком качестве влечет возможность привлечения к ответственности лица, лишившего истца шанса, при отсутствии реального причинения вреда лицу, утратившему шанс. Также истец будет иметь возможность одновременно взыскать убытки за утрату шанса и за причинение вреда⁵.

Аналогичный довод приводится Х. Коциолем, который указывает, что если снижается возможность (шанс) принудительной реализации требования или длительного использования объекта, то уменьшается и рыночная стоимость объекта, т.е. уменьшение или исчезновение шанса отражается на рыночной стоимости объекта. Таким образом, шанс не может быть рассмотрен в качестве отдельного охраняемого законом блага, поскольку признание шанса самостоятельным благом приведет к двойному возмещению вреда потерпевшему⁶.

¹ *Graziano T.K.* Op. cit. P. 133.

² *Ibid.* P. 124.

³ *Magnus U.* Causation in German Tort Law. P. 72.

⁴ *Graziano T.K.* Op. cit. P. 139.

⁵ Цит. по: *Koziol H.* Op. cit. P. 154, 157–158.

⁶ *Koziol H.* Op. cit. P. 158.

Х. Штоль, возражая против концепции «утраты шанса», также отмечает, что основной целью положений о гражданско-правовой ответственности является возмещение, а не наказание лица за создание рисков¹.

В пользу недопустимости возмещения потерянного шанса указывается также на то, что если будет предусмотрено возмещение за «утрату шанса», то любое требование о возмещении упущенной выгоды может быть переформулировано как требование о компенсации утраты шанса получить этот доход².

Немецкое право, отрицая концепцию «утраты шанса», допускает привлечение к ответственности юриста, пропустившего срок подачи жалобы. Применительно к таким случаям вопрос о причинной связи анализируется *ex post* в рамках отдельного судебного спора между клиентом и юристом («*Prozess im Prozess*»), в рамках которого проверяется вероятность удовлетворения жалобы в случае ее подачи³.

Другие правовые порядки в качестве общего правила допускают взыскание убытков за «утрату шанса», исключая применение данной концепции в части распределения вреда в соответствии с вероятностями для определенных категорий дел⁴. К примеру, английское право не допускает применения концепции «утраты шанса» для случаев врачебных ошибок. В деле *Hotson v. East Berkshire Area Health Authority* (1987) врач неверно диагностировал травму подростка, в связи с чем подросток утратил шанс на полное выздоровление, который составлял примерно 25%. Палата Лордов отказала в удовлетворении иска, указав, что для удовлетворения требований истец должен доказать, что ответчик с вероятностью более 50% причинил вред («*balance of probabilities requirement*» или тест «*more likely than not*»), что представителями подростка не было сделано. Если бы подросток смог доказать, что утрата возможности выздоровления была утрачена в результате врачебной ошибки с вероятностью более 50%, то получил бы возмещение в полном размере (без дисконтирования с учетом вероятностей)⁵.

В деле *Gregg v. Scott* (2005) Палата Лордов предложила два аргумента в поддержку решения по делу *Hotson v. East Berkshire Area Health Authority*. Во-первых, это является единственным логичным решением, вытекающим из процессуальной фикции, что в глазах суда наличие обстоятельства, которое могло иметь место с вероятностью 51%, представляется установленным фактом. Во-вторых, предоставление судам возможности присуждать компенсацию, пропорциональную уменьшению шанса, снизит также эффективность деликтного права как систе-

¹ Graziano T.K. Op. cit. P. 139.

² Ibid. P. 139–140.

³ Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 70; Graziano T.K. Op. cit. P. 128–129.

⁴ Graziano T.K. Op. cit. P. 135.

⁵ Van Dam C. European Tort Law. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 295.

мы норм, направленной на возмещение вреда, а именно повлечет дополнительные затраты (времени и денег) на определение точного размера шанса (в процентах) до и после правонарушения, в то же время причиненный вред будет возмещен только частично¹.

Английское право, в целом не допускающее возможности распределения убытков за утрату шанса (дело *Hotson v. East Berkshire Area Health Authority*), ограничивает применение этого правила к случаям, когда утрата шанса зависела от третьего лица или случайного обстоятельства². В таких случаях суд должен оценить эту вероятность и присудить потерпевшему компенсацию соразмерно возможности наступления этого случайного обстоятельства.

Поэтому если юрист пропустил срок исковой давности или не подал вовремя апелляционную жалобу, то его доверитель, согласно прецеденту *Kitchen v. Royal Air Force Association* (1958), может получить компенсацию за утрату шанса выиграть дело, уменьшенную пропорционально шансу выигрыша в случае, если жалоба была бы подана в установленный срок³. При этом обоснованность доводов жалобы и вероятность ее удовлетворения (в случае, если бы она была подана в установленный срок) проверяются в рамках отдельного судебного спора между клиентом и юристом («*case within the case*»). Аналогичный подход применяется и американскими судами⁴.

В деле *Chaplin v. Hicks* (1911) суд присудил возмещение конкурсантке, которая по вине организатора конкурса красоты не смогла принять участие в финальном этапе конкурса. Конкурсантка не могла доказать, что она выиграла бы конкурс красоты, однако суд присудил ей компенсацию, пропорциональную вероятности ее победы в случае участия в конкурсе⁵.

Французский порядок исходит из принципиальной допустимости взыскания убытков за утрату того или иного шанса⁶. Вместе с тем в связи с необходимостью предоставления суду веских доказательств наличия причинной связи для привлечения виновного лица к ответственности суды часто отказывают пациентам, потерявшим шансы на выздоровление, в удовлетворении исков к их врачам⁷.

---

¹ *Van Dam C.* Op. cit. P. 295.

² *Horton Rogers W.V.* Op. cit. P. 43, 48.

³ *Graziano T.K.* Op. cit. P. 123.

⁴ *Schwartz G.T.* Op. cit. P. 124.

⁵ *Graziano T.K.* Op. cit. P. 123.

⁶ Морандьер Л.Ж. де ла. Указ. соч. С. 403. Одним из проектов реформирования французского обязательственного права (*Avant-projet de réforme du droit des obligations et du droit de la prescription; Rapport Catala*) даже было предусмотрено, что утрата шанса является видом возмещаемого вреда (см.: *Graziano T.K.* Op. cit. P. 123), однако по итогам реформы такие изменения в текст закона внесены не были.

⁷ *Galand-Carval S.* Op. cit. P. 60.

Но если истец все же смог доказать наличие причинной связи между поведением ответчика и потерей шанса, то суд присуждает истцу возмещение ущерба в размере, пропорциональном уменьшению шанса¹.

Начальной точкой развития доктрины «потерянного шанса» было решение апелляционного суда Гренобля, вынесенное в 1961 г. К врачу обратилась женщина с жалобами на боли в запястье. Врач провел рентгенографию, однако не заметил перелома. В итоге пациентка вернулась к нормальной деятельности. Спустя несколько лет она испытала боль, когда пыталась поднять тяжелый предмет, и проконсультировалась с другим врачом, который обнаружил перелом. Пациентка предъявила иск к первому врачу. Суд пришел к выводу, что если бы первый диагноз был верным, то это позволило бы пациентке получить необходимое лечение, которое предотвратило бы продолжающиеся боли в запястье; поэтому ошибка врача лишила пациентку шанса на выздоровление. Вскоре доктрина «потерянного шанса» была воспринята Кассационным судом. Восьмилетний истец в результате падения сломал и вывихнул свой локоть. Врач обнаружил только перелом, вывих обнаружился позднее. В рамках судебного спора предметом обсуждений был вопрос о последствиях промедления в оказании надлежащего лечения. Суд сделал вывод, что ошибка ответчика лишила истца возможности излечения, в связи с чем он имеет право на компенсацию (позднее было разъяснено, что истец имеет право только на частичную компенсацию)².

В другом деле доктор не смог поставить правильный диагноз пациенту, болевшему раком. На момент постановки неправильного диагноза шансы потерпевшего на выздоровление равнялись 40%. Когда же было установлено, что пациент болеет раком, он уже не имел никаких шансов на выздоровление. Пациент умер, и его наследники обратились с иском к доктору. Суд удовлетворил иск в размере 40% причиненного вреда³.

В случаях, когда юристы пропускают срок на подачу апелляционной жалобы, суды чаще всего взыскивают убытки с юристов, даже если шансы на удовлетворение жалобы были незначительными (что иногда объясняется желанием наказать нерадивых юристов)⁴.

Таким образом, правопорядки, допускающие возмещение вреда в связи с утратой шанса, предусматривают три механизма решения проблемы.

Первым вариантом решения проблемы «утраты шанса» является перенесение бремени доказывания на ответчика (Германия). Но это решение является слишком прокредиторским и применяется в Германии только к исключительным ситуациям (грубым нарушениям врачами своих профессиональных обя-

---

¹ *Van Dam C. Op. cit. P. 294.*

² *Oliphant K. Op. cit. P. 1621.*

³ *Galand-Carval S. Op. cit. P. 61.*

⁴ *Ibid. P. 57.*

занностей). В действительности нет никакой связи между степенью вины врача и вероятностью того, что его виновные действия привели к причинению вреда пациенту, что подтверждается практикой немецких судов. В одном деле легкая вина врача с вероятностью 90% привела к увечью пациента, однако суд отказал пациенту в возмещении вреда в связи с остающимися сомнениями в наличии причинной связи. В другом деле было установлено, что грубая неосторожность врача с вероятностью 10% причинила вред пациенту, однако с учетом наличия грубой неосторожности врача суд присудил пациенту полное возмещение причиненного ему вреда. Такое разное отношение судов к решению двух схожих дел не является справедливым¹.

Другими способами решения проблемы «утраты шанса» являются:

– снижение требований к бремени доказывания без распределения вреда в соответствии с вероятностью реализации шанса (подход «все или ничего») (Англия применительно к врачебным ошибкам);

– распределение вреда в соответствии с вероятностью реализации шанса (долевая ответственность) (Франция, Англия применительно к иным (помимо врачебных ошибок) категориям дел).

В научной литературе в качестве преимущества подхода, основанного на принципе «все или ничего», указывается на его простоту и эффективность. Данный подход не требует установления точной степени вероятностей. Если установление причинной связи возможно с определенной степенью вероятности, то вред возмещается в полном объеме; если же вероятность ниже установленного порога, то никакого возмещения не полагается².

В защиту подхода, основанного на принципе «все или ничего», приводится следующий аргумент: лицо, которое доказало с 75%-ной вероятностью, что именно действия ответчика привели к причинению вреда, не будет заинтересовано в том, чтобы размер возмещения был снижен со 100 до 75%. С другой стороны, ответчик, который причинил вред только с вероятностью 20–30%, не захочет возмещать причиненный потерпевшему вред³.

Решение проблемы «утраты шанса» с помощью механизма долевой ответственности критикуется за то, что оно породит дополнительные транзакционные издержки, поскольку установление вероятностей с точностью, достаточной для справедливого распределения убытков между сторонами, будет слишком дорогим и времязатратным занятием. Кроме того, дополнительные издержки будут вызваны и тем, что дела, в которых потерпевшему было отказано в удовлетворении требований в связи с тем, что «более вероятно, чем нет», вытекут в частичное возмещение на основании доктрины «утраты шанса».

¹ *Graziano T.K.* Op. cit. P. 141.

² *Ibid.* P. 142–143.

³ *Ibid.* P. 139.

Между тем весьма спорным является подход, допускающий возмещение вреда в полном объеме в случае, если вероятность наличия причинно-следственной связи составляет 51%, и отвергающий возможность возмещения вреда в любом размере, если вероятность составляет 49%. Принцип долевой ответственности позволяет избежать крайних решений, присуждая компенсацию за потерю шанса пропорционально возможности его реализации¹.

Представляется, что в ситуациях неопределенной причинной связи долевая ответственность лучше выполняет функцию возмещения, чем подход, основанный на принципе «все или ничего». Представим ситуацию, что врач по своей небрежности поставил неверные диагнозы большому количеству пациентов, из-за чего каждый пациент потерял 25%-ный шанс на выздоровление. Согласно принципам «все или ничего» и «более вероятно, чем нет» ни один пациент не получит никакого возмещения. Согласно принципу долевой ответственности (ответственности в размере доли, соответствующей вероятности наличия причинной связи) каждый пациент получит возмещение в размере, пропорциональном вероятности того, что риск мог быть реализован².

Принцип долевой ответственности лучше обеспечивает и функцию превенции, которая также преследуется положениями закона об ответственности. Принцип «все или ничего» оставит без внимания большое количество правонарушений, которые могли причинить огромный ущерб. Долевая ответственность, напротив, создает стимулы для правомерного поведения³.

Подход, исходящий из пропорциональной ответственности за лишение шанса, получил поддержку в третьем Своде деликтного права США⁴ и Принципах европейского деликтного права⁵.

Решение проблемы «утраты шанса» путем распределения ответственности оправданно и потому, что все классические примеры «утраты шанса» можно представить как ситуации альтернативной причинной связи. Примеры «утраты шанса» характеризуются тем, что поведение ответчика привело к тому, что шанс не реализовался, при существовании вероятности того, что шанс не был бы реализован и по обстоятельствам, никак не зависящим от ответчика:

– врачебная ошибка – существует вероятность того, что пациент не смог бы вылечиться и при надлежащем выполнении врачом своих обязанностей в силу, например, тяжести увечья или предрасположенности пациента;

– пропуск срока подачи апелляционной жалобы – существует вероятность того, что в случае подачи апелляционной жалобы в срок дело все равно было бы

¹ Koziol H. Op. cit. P. 153; Graziano T.K. Op. cit. P. 128–129.

² Graziano T.K. Op. cit. P. 142.

³ Ibid. P. 142.

⁴ Oliphant K. Op. cit. P. 1607.

⁵ Graziano T.K. Op. cit. P. 132.

проиграно из-за отсутствия правовых оснований для удовлетворения требований истца;

– неучастие в конкурсе – существует вероятность того, что, даже приняв участие в конкурсе, потерпевший все равно не стал бы его победителем.

В практике российских судов отсутствует единый подход к решению проблемы «утраты шанса». Преимущественно суды отказывают в возмещении вреда в связи с «утратой шанса». К примеру, в деле № А57-12476/2013¹ истец просил взыскать убытки с ответчика в связи с тем, что он не был допущен к участию в торгах. Истец в обоснование исковых требований указывал, что он стал бы победителем торгов, если бы участвовал в них. Однако суд отметил, что данное обстоятельство допускает лишь возможность стать победителем в этих торгах, и пришел к выводу об отсутствии причинно-следственной связи между противоправным поведением ответчика и наличием у истца убытков.

Вместе с тем в практике встречаются и иные решения. В некоторых случаях суды переносят бремя доказывания на ответчика. Президиум ВАС РФ в п. 11 информационного письма от 31 мая 2011 г. № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами», взыскивая с ФССП России убытки за утрату возможности взыскания долга с должника, указал, что ФССП России не представила каких-либо доказательств наличия у должника иного имущества, за счет которого возможно исполнение судебных актов. Таким образом, Президиум ВАС РФ перераспределил бремя доказывания, поскольку по общим правилам гражданского процесса обязанность доказывания отсутствия или наличия у должника иного имущества должна возлагаться на истца, а не на ответчика (ФССП России). Аналогичное правило позднее было закреплено в п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 27. Так, Пленум ВАС РФ указал, что в случае, если исполнительное производство окончено в связи с невозможностью исполнения, на истца по иску о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя, не возлагается обязанность по доказыванию отсутствия иного имущества у должника, на которое можно обратиться взыскание.

Иногда возможность выздоровления пациента при условии постановки правильного диагноза и своевременного лечения учитывается судами при определении размера подлежащего компенсации морального вреда. К примеру, Ростовский областной суд, установив, что у врачей больницы имелась возможность постановки верного диагноза, а правильное лечение привело бы к выздоровлению пациента без применения оперативного вмешательства, пришел к выводу о наличии причинно-следственной связи между действиями врачей указанного лечебно-

¹ Постановление АС Поволжского округа от 20 августа 2014 г. по делу № А57-12476/2013.

го учреждения и наступившими неблагоприятными последствиями в виде инвалидизации пациента и увеличил размер компенсации морального вреда¹.

2.3. Кумулятивная причинно-следственная связь

Кумулятивная причинно-следственная связь имеет место, когда два или более лица, действующие обособленно друг от друга, совершают правонарушения, каждое из которых само по себе является достаточным для причинения вреда, который фактически возник. Например, и фабрика А, и фабрика Б сбрасывают в водоем вредные химикаты, из-за которых в водоеме гибнет вся рыба. При этом объемы химикатов, сброшенных каждой фабрикой, сами по себе (независимо от объема химикатов, сброшенных другой фабрикой) достаточны для уничтожения всей рыбы в водоеме.

Если бы фабрика А не сбрасывала химикаты в водоем, то рыба все равно бы погибла (из-за химикатов, сброшенных фабрикой Б), значит, загрязнение водоема со стороны фабрики А не было необходимым условием гибели рыбы. К аналогичному выводу мы придем, если предположим, что фабрика Б не загрязняла водоем.

Применение теста необходимого условия приведет к тому, что ни правонарушение фабрики А, ни правонарушение фабрики Б не являлись необходимыми условиями и, следовательно, причинами уничтожения рыбы в водоеме (хотя рыба погибла именно из-за химикатов, сброшенных обеими фабриками).

Если один из ответчиков будет освобожден от ответственности в связи с тем, что действия другого ответчика являлись достаточными для причинения вреда, то другой ответчик тоже должен быть освобожден от ответственности по аналогичным соображениям. По общему признанию было бы несправедливо на этом основании отказывать пострадавшему в возмещении вреда².

В качестве решения данной проблемы предлагается возлагать на причинителей вреда солидарную ответственность³. При кумулятивном виде причинно-следственной связи достоверно известно, что действия (бездействие) каждого правонарушителя причинили вред, за который он несет ответственность, даже если представить, что второго события не было, и нет каких-либо оснований для освобождения его от ответственности.

Ф. Быдлински отмечает, что при кумулятивной причинной связи критерий необходимого условия заменяется критерием достаточного условия⁴.

¹ Кассационное определение Ростовского областного суда от 14 ноября 2011 г. по делу № 33-14757.

² Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 65; Schwartz G.T. Op. cit. P. 126; Winiger B. Multiple Tortfeasor // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. P. 90.

³ Koziol H. Op. cit. P. 162.

⁴ Bydlinski F. Op. cit. P. 19.

Решение в пользу солидарной ответственности правонарушителей находит поддержку в немецком¹, французском² и американском³ праве. Применительно к английскому праву У. Гортон Роджерс указывает, что такой подход не выражен прямо в решениях английских судов, но не сомневается в том, что английские судьи будут исходить из той же логики⁴. DCFR⁵ и Принципы европейского деликтного права (ст. 3:102) также поддерживают традиционную точку зрения о солидарной ответственности причинителей вреда.

Авторы *NESS*-теста также исходят из того, что к ответственности должны быть привлечены все лица, действия которых были сами по себе достаточны для возникновения вреда⁶.

Д. Фридман рассматривает проблему кумулятивной причинной связи с точки зрения экономического анализа права. Хотя средние издержки, создаваемые каждым правонарушением, равны половине стоимости уничтоженного блага, предельные издержки каждого правонарушения близки к нулю. Если рассматривать деликтное право как систему стимулов, то предельные издержки являются более важными, в связи с чем с точки зрения экономических законов ни один из ответчиков не должен нести ответственность (как и при строгом применении теста необходимого условия). Д. Фридман отмечает, что такое рассуждение резко расходится с интуитивным представлением большинства людей о том, каким должен быть закон. Если согласиться с правовым принципом отсутствия ответственности за правонарушение, совершенное двумя лицами независимо друг от друга, то следующее такое «совпадение» уже может оказаться неслучайным. Предложенный правовой принцип создаст явную возможность для того, чтобы правонарушение осталось безнаказанным, в связи с чем наиболее верным решением проблемы кумулятивной причинной связи является привлечение к ответственности обоих правонарушителей⁷.

В России попытка решения проблемы кумулятивной причинной связи была предпринята Пленумом ВС РФ в п. 11 постановления от 30 ноября 2017 г. № 49: «По смыслу статьи 1064 ГК РФ, если несколько лиц действовали независимо друг от друга и действия каждого из них привели к причинению вреда окружающей

¹ *Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 65.*

² *Galand-Carval S. Op. cit. P. 60.*

³ *Schwartz G.T. Op. cit. P. 126.*

⁴ *Horton Rogers W.V. Op. cit. P. 50.*

⁵ *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3446.*

⁶ *Wright R.W. Op. cit. P. 1796.*

⁷ *Фридман Д. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно / Пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода М. Одинцова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 335–339.*

среде, по общему правилу такие лица несут долевую ответственность. На размер доли каждого из причинителей вреда может влиять, в частности, опасность деятельности каждого из них, ее интенсивность и др. Так, на двух лиц, осуществляющих независимо друг от друга складирование твердых бытовых отходов на не предназначенном для этих целей земельном участке, может быть возложена ответственность в долях пропорционально объему отходов, определяемому, например, по количеству используемых транспортных средств для вывоза отходов, их вместительности, классу опасности отходов, образующихся от деятельности указанных лиц, и иных факторов. Когда долю в причинении вреда каждого из названных лиц установить невозможно, они отвечают в равных долях (статья 321 ГК РФ)».

Предложенное ВС РФ решение не вызывает возражений, если охватывает исключительно случаи, когда окружающей среде был причинен различный вред, однако невозможно определить, какой вред был причинен конкретным правонарушителем (осложненный пример альтернативной причинной связи).

Если же правило, закрепленное в п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 49, охватывает и случаи, когда действие каждого правонарушителя являлось достаточным для причинения одного и того же вреда (кумулятивная причинная связь), то обоснованность такого подхода вызывает серьезные сомнения. Факт одновременного совершения двумя лицами правонарушения, каждое из которых являлось само по себе достаточным для причинения вреда, не должен уменьшать размер ответственности каждого причинителя вреда. Такое правило кардинально отличается от подхода к проблеме кумулятивной причинной связи, воспринятого другими правопорядками.

Ранее Президиумом ВАС РФ разрешался вопрос о последствиях одновременного совершения двумя лицами правонарушения, приведшего к одному и тому же негативному результату, применительно к корпоративным правоотношениям. Согласно п. 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 24 мая 2012 г. № 151 требование истца об исключении ответчика, уклоняющегося от участия в общих собраниях участников общества с ограниченной ответственностью и тем самым лишаящего общество возможности принять решение, имеющее важное хозяйственное значение для общества, не подлежит удовлетворению в случае, когда выясняется, что помимо ответчика на общем собрании участников не присутствовал другой участник, в отсутствие которого общее собрание не смогло бы принять решение. Если бы Президиум ВАС РФ остановился на этом, то такой вывод был бы половинчатым, поскольку оставалась бы неразрешенной ситуация, когда от участия в собрании уклонялись несколько участников¹. Такое решение могло бы привести к невозможности исключения из общества участ-

¹ Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М.: Статут, 2014. С. 102.

ников, одновременно уклоняющихся от участия в общих собраниях, при этом отсутствие любого из них лишает общество возможности принять решение, имеющее важное хозяйственное значение для общества. Каждый из ответчиков мог бы заявить, что его отсутствие не было причиной невозможности принять решение, поскольку от участия в собрании уклонился второй участник, т.е. что его бездействие не было *conditio sine qua non* невозможности принять решение (кумулятивная причинная связь). Поэтому в п. 7 Обзора далее проводится идея о том, что в случае, когда невозможность принятия решения общим собранием возникла по причине уклонения нескольких участников, требование об исключении должно быть заявлено в отношении всех таких участников¹.

Несмотря на спорность вывода Президиума ВАС РФ о необходимости заявления требования об исключении в отношении всех участников общества, уклонявшихся от участия в собраниях (т.е. недопустимости заявления требования в отношении каждого такого участника по отдельности), следует поддержать позицию Президиума о возможности привлечения к ответственности каждого участника общества, причинившего обществу вред. Если выводить общее правило из конкретной позиции Президиума ВАС РФ, то таким правилом должно быть возложение солидарной ответственности на кумулятивных причинителей вреда.

С учетом изложенной позиции Президиума ВАС РФ представляются более правильными узкое толкование п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 и применение указанного правила только к случаям причинения несколькими лицами различного вреда при невозможности определения, какой вред был причинен конкретным правонарушителем (т.е. к случаям альтернативной причинной связи).

2.4. «Опережающая» причинно-следственная связь

«Опережающая» причинно-следственная связь (*overtaking causation*) означает, что А причиняет такой вред, который все равно бы наступил впоследствии из-за действия Б². Если применять тест *conditio sine qua non*, то получается, что действия А не являются условием причинения вреда, так как вред был бы причинен в результате действия Б.

2.4.1. Причинение вреда, который впоследствии был бы причинен другим лицом

Наиболее простой пример «опережающей» причинной связи имеет место в случае, когда одно лицо причиняет вред, который приводит к уничтожению объекта, при этом впоследствии другое лицо также совершает действия, которые привели бы к такому же вреду, если бы не поведение первого ответчика (к примеру, браконьер выловил всю рыбу в водоеме, а на следующий день фабри-

¹ Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 102.

² Koziol H. Op. cit. P. 163.

ка сбросила в водоем химикаты, что привело бы к гибели всей рыбы, если бы она там была).

Доминирующая точка зрения выступает против освобождения лица А от ответственности даже при наличии действий лица Б, которые привели бы к такому же результату¹.

Согласно ст. 3:104 Принципов европейского деликтного права если действия однозначно и неотвратимо повлекли за собой причинение вреда потерпевшему, то любые последующие действия, которые сами по себе могли бы причинить идентичный вред, не принимаются во внимание. Таким образом, Принципы выступают против освобождения лица от ответственности даже при наличии последующего правонарушения².

Ф. Быдлински видит проблему с привлечением первого правонарушителя к ответственности в концепции субъективно-конкретной оценки убытков, согласно которой наличие и размер вреда оцениваются путем сравнения текущего (уничтоженного) состояния вещи и состояния вещи, которое существовало бы при несовершении правонарушения. Если анализировать проблему с этой точки зрения, то первый правонарушитель не может рассматриваться в качестве причинителя вреда с момента, когда совершается последующее правонарушение, влекущее такой же вред (уничтожение вещи), поскольку первое правонарушение не привело к изменению состояния вещи, которое существовало бы после последующего правонарушения даже при отсутствии первого правонарушения. Однако если смотреть на проблему с точки зрения объективно-абстрактной оценки убытков, признающей убытком уменьшение рыночной стоимости поврежденного (уничтоженного) объекта, то первый правонарушитель может быть признан причинителем вреда³.

Наиболее спорным является вопрос о возможности привлечения к ответственности последующего правонарушителя. По мнению Ф. Быдлински, в момент совершения второго правонарушения защищаемое субъективное право уже отсутствует (оно прекратилось в результате совершения первого правонарушения), в связи с чем последующий правонарушитель не может быть привлечен к ответственности⁴. Кроме того, отмечается, что в случае если объект уже был уничтожен в результате первого правонарушения, то поведение второго ответчика не могло создать высокий риск причинения вреда этому объекту, что также исключает ответственность второго ответчика⁵.

¹ *Van Dam C. Op. cit. P. 291; Koziol H. Op. cit. P. 164, 168.*

² *Oliphant K. Op. cit. P. 1616.*

³ *Bydliniski F. Op. cit. P. 23.*

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Koziol H. Op. cit. P. 165.*

Ряд авторов (*Raber, Kramer, Kleewein*) сомневаются в допустимости освобождения последующего причинителя от ответственности в случаях, когда последующее правонарушение следует сразу же после уничтожения вещи в результате первого деликта. Если бы два лица совершили свои действия одновременно (т.е. имела бы место кумулятивная причинная связь), то понесли бы солидарную ответственность, а небольшая временная разрозненность тех же самых действий исключает ответственность последующего правонарушителя, что, по мнению указанных авторов, является неправильным¹.

Представляется, что между кумулятивной причинной связью, когда два лица одновременно причиняют один и тот же вред, и «опережающей» причинной связью, когда вред причиняется одним лицом, а потом другое лицо совершает действие, которое привело бы к такому же вреду, если бы не действие первого правонарушителя, имеется сущностное различие. При кумулятивной причинной связи каждый правонарушитель точно причинил вред, что объясняет возложение на причинителей солидарной ответственности. При «опережающей» причинной связи действия последующего правонарушителя не приводят к причинению вреда, что объясняет возложение всей ответственности только на первого правонарушителя. Вопрос о том, когда второй ответчик совершил действие – сразу же после уничтожения вещи или через определенное время после этого, не должен влиять на решение проблемы. Если исходить из солидарной ответственности первого и последующего правонарушителей, то в таком случае нужно привлекать к ответственности и тех, кто спустя 20 лет совершил действие, которое привело бы к вреду, если бы не действие первого причинителя вреда. Установление временного предела, по истечении которого не принимаются во внимание последующие действия, которые могли бы привести к причинению вреда уже уничтоженному объекту, будет произвольным решением.

Х. Коциоль предлагает следующее решение: действия первого причинителя вреда удовлетворяют всем условиям привлечения к гражданско-правовой ответственности, включая условие о наличии причинно-следственной связи, которая только «разбавлена» наличием возможной причинной связи между последующим событием и вредом. Ответственность первого причинителя вреда в полном объеме не устраняется из-за наличия второго причинителя, который несет солидарную ответственность вместе с первым причинителем вреда. Если второе событие не отвечает всем условиям привлечения к ответственности, то потерпевший может потребовать возмещения вреда с первого причинителя, не имея возможности обратиться ко второму «причинителю»².

Аналогичный подход должен применяться при снижении стоимости блага из-за правонарушения, совершенного лицом А. К примеру, лицо А причиняет вред машине стоимостью 20 тыс. евро, уменьшив ее стоимость до 17 тыс. евро. До того

¹ *Koziol H.* Op. cit. P. 166.

² *Ibid.* P. 168.

момента, как машина была отремонтирована, лицо Б уничтожает машину. Возникает вопрос: лица А и Б солидарно ответственны за вред в размере 3 тыс. евро, а лицо Б к тому же несет ответственность за оставшиеся 17 тыс. евро или лицо А ответственно за 3 тыс. евро, а лицо Б ответственно за 17 тыс. евро? Х. Коциоль придерживается мнения, что лицо Б должно нести ответственность только в размере 17 тыс. евро, так как оно причинило вред уже поврежденному имуществу¹.

В практике российских судов также встречается позиция, согласно которой первый причинитель не может быть освобожден от ответственности даже при наличии последующих действий второго причинителя, которые привели бы к такому же результату. Так, АС Центрального округа при рассмотрении одного из дел² указал, что между действиями ответчика, закрасившего рекламную вывеску истца, и возникшим ущербом отсутствует причинно-следственная связь, поскольку ущерб рекламной вывеске истца уже был причинен до действий ответчика неустановленными лицами, нанесшими на рекламный щит надписи и рисунки. Из указанной позиции суда следует логичный вывод о том, что к ответственности может быть привлечен только первый правонарушитель.

2.4.2. Причинение вреда, который впоследствии был бы причинен в результате действия непреодолимой силы

Другим примером «опережающей» причинной связи является причинение вреда, который потом все равно был бы причинен в результате действия непреодолимой силы. К примеру, дом потерпевшего полностью сгорел в результате поджога, совершенного ответчиком. На следующий день случилось землетрясение, которое все равно разрушило бы дом потерпевшего. Поджигатель просит освободить его от ответственности, ссылаясь на то, что его действия не являлись необходимым условием вреда, поскольку дом все равно был бы уничтожен землетрясением на следующий день после пожара³.

Наиболее верным представляется решение, не допускающее освобождения причинителя вреда от ответственности при наличии последующего события, за которое никто не отвечает, которое могло причинить такой же вред.

С. Галан-Карваль, рассматривая данный пример с точки зрения французского права, предлагает возложить ответственность в полном объеме на ответчика, поскольку обязательство по возмещению вреда возникло в момент его причинения. Землетрясение не является событием, «прерывающим» причинно-следственную связь, это всего лишь последующее обстоятельство⁴. Такое же решение закреплено в ст. 3:104(1) Принципов европейского деликтного права⁵.

¹ Koziol H. Op. cit. P. 164–165.

² Постановление ФАС Центрального округа от 27 ноября 2013 г. по делу № А23-3705/2012.

³ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 106.

⁴ Galand-Carval S. Op. cit. P. P. 60; Van Dam C. Op. cit. P. 292.

⁵ Oliphant K. Op. cit. P. 1616.

Многие американские специалисты полагают, что требование собственника разрушенного дома к лицу, действия которого привели к пожару, должно быть удовлетворено, поскольку землетрясение не было предвидимым в момент начала пожара. Но данная позиция не является общепризнанной, например, Г. Шварц сомневается в ее обоснованности¹.

Вместе с тем в литературе встречается подход, допускающий ограничение ответственности причинителя вреда при возникновении впоследствии события, которое привело бы к такому же вреду. Так, к примеру, У. Гортон Роджерс полагает, что в деле о пожаре и последующем землетрясении лицо, чьи действия стали причиной пожара, должно только компенсировать невозможность использования дома в период с момента пожара до землетрясения. Обязанность восстановления дома, разрушенного в результате землетрясения, на ответчика не возлагается, поскольку действия ответчика не находятся в причинной связи с невозможностью пользования домом в период после землетрясения и такой вред возник бы в любом случае² (т.е. действия ответчика не являются условием причинения вреда). Однако если истцу уже была присуждена компенсация за причиненный пожаром вред, то последующее землетрясение не может стать основанием для пересмотра решения суда по новым обстоятельствам. Если ремонт дома был произведен до землетрясения, то виновник пожара не может освободить себя от обязанности возмещения стоимости ремонта ссылкой на последующее землетрясение³.

Обоснованность такого решения вызывает сомнения. Процессуальный вопрос (факт вынесения или невынесения судебного акта) не должен влиять на материально-правовую сторону вопроса. Кроме того, такой подход побуждает причинителя вреда не возмещать вред в добровольном порядке и затягивать рассмотрение судебного спора с потерпевшим.

2.4.3. Причинение «длящегося» вреда потерпевшему, который впоследствии причиняется другим лицом

Более сложный пример «опережающей» причинной связи имеет место в случаях «продолжающегося» нарушения прав потерпевшего. К примеру, первый правонарушитель причинил потерпевшему вред, который привел к инвалидности потерпевшего (утрате потерпевшим трудоспособности и своего заработка). Через год другое лицо причиняет потерпевшему вред, который также влечет инвалидность потерпевшего. Таким образом, в результате последующего причинения вреда потерпевший в любом случае утратил бы возможность осуществлять трудовую деятельность (независимо от вреда, причиненного первым правонарушителем).

¹ Schwartz G.T. Op. cit. P. 125.

² Horton Rogers W.V. Op. cit. P. 48.

³ Ibid. P. 46.

К. Ларенц предложил подход, разграничивающий вред, причиненный охраняемому интересу (*Objektschaden*), и косвенные убытки. Поскольку причинение вреда охраняемому интересу непосредственно порождает право на иск, последующее правонарушение не принимается во внимание, в то время как для возмещения косвенных убытков (утрата заработка) наличие второй причины принимает важное значение¹.

Ф. Быдлински считает, что в данном случае «вытесняющая» причинно-следственная связь – это кумулятивная причинно-следственная связь, но растянутая во времени. До совершения последующего правонарушения поведение первого правонарушителя является необходимым условием причинения вреда, после совершения последующего правонарушения возникает кумулятивная причинная связь. Следовательно, первый правонарушитель обязан самостоятельно возместить потерпевшему утраченный им заработок (доход) в полном объеме до момента причинения потерпевшему вреда вторым правонарушителем, после чего оба делинквента несут солидарную ответственность по возмещению потерпевшему утраченного им заработка (дохода)².

Такое же решение заложено в ст. 3:104(3) Принципов европейского деликтного права, согласно которой если первоначальное действие вызвало длящийся вред, а последующее действие позднее также могло стать его причиной, то и первоначальное, и последующее действия рассматриваются в качестве причины с этого времени.

2.5. «Вытесняющая» причинная связь

«Вытесняющая» причинная связь характеризуется следующими признаками:

1) совершается правонарушение, наступление вредоносного эффекта которого растянуто во времени (вредоносный эффект которого возникает не сразу, а через определенное время);

2) до момента реализации вредоносного эффекта первого правонарушения совершается второе правонарушение, которое причиняет такой же вред, который был бы причинен потерпевшему при наступлении эффекта первого правонарушения.

Отличие «вытесняющей» причинной связи от «опережающей» заключается в том, что при «опережающей» связи вред фактически причиняется в результате первого правонарушения, а при «вытесняющей» – в результате второго (по времени совершения).

Римские юристы предпринимали попытки решить проблему «вытесняющей» причинно-следственной связи на следующем примере³: А смертельно ранит

¹ Цит. по: *Markesinis B., Unberath H.* Op. cit. P. 106.

² *Bydlinski F.* Op. cit. P. 22.

³ *Zimmermann R.* Op. cit. P. 992–993.

раба, но до того, как умереть от первой раны, раб получает другую рану от Б, от которой немедленно умирает. Ни действия А, ни действия Б не являются *conditio sine qua non* смерти раба (раб в любом случае умер бы от раны, причиненной другим лицом).

Цельз, Марцелл и Ульпиан исходили из того, что действия А не были непосредственной причиной смерти раба из-за вмешательства Б (действия Б разорвали цепь причинности, вызванной действиями А). В связи с этим ответственным за смерть раба признавалось только Б.

Однако данное решение не было бесспорным. Юлиан придерживался иной точки зрения, согласно которой за смерть раба ответственность должно нести как А, так и Б. Обосновывая ответственность А, Юлиан указывал на то, что, поскольку действия А определенно привели бы к смерти раба, не имеет значения, когда фактически наступила смерть – немедленно после получения ранения или спустя определенное время.

Юлианом был приведен традиционный пример «вытесняющей» причинной связи: А отравляет коня ядом, действие которого растянуто во времени. До того момента, когда конь должен был умереть из-за действия яда, Б поджигает стойло, где конь содержался, в результате чего конь гибнет. В современном праве отсутствует единый подход к разрешению данной проблемы.

Х. Коциоль предлагает решить проблему «вытесняющей» причинной связи путем возложения солидарной ответственности на обоих правонарушителей. По мнению ученого, если в момент причинения вреда уже существовал риск уничтожения вещи вторым правонарушителем, то данный риск уже сам по себе привел к уменьшению стоимости вещи (поскольку стоимость вещи, в отношении которой существует высокая степень риска ее повреждения или уничтожения, ниже стоимости такой же вещи, в отношении которой такой риск отсутствует или является минимальным). Поэтому действия обоих правонарушителей находятся в потенциальной причинной связи с уменьшением стоимости вещи, в связи с чем они должны нести солидарную ответственность, как в случае кумулятивной причинной связи¹.

Между тем наличие риска уничтожения вещи не может уменьшить ее стоимость до 0, поэтому нельзя уравнивать стоимость уничтоженной вещи и стоимость вещи, в отношении которой существует риск ее уничтожения. Следовательно, не может быть и солидарной ответственности обоих правонарушителей в отношении возмещения полной стоимости уничтоженной вещи. Если же Х. Коциоль имеет в виду солидарную ответственность только за уменьшение стоимости вещи, то отравитель должен отвечать за всю стоимость погибшего коня, а в части возмещения стоимости отравленного коня, который в скором времени погибнет, отравитель и поджигатель должны нести солидарную ответственность.

¹ Koziol H. Op. cit. P. 166.

Такое решение, по утверждению У. Магнуса, будет принято немецким судом. Отравитель должен нести ответственность в полном объеме, в то время как поджигатель должен отвечать за преждевременную (ранее гибели от отравления) гибель коня¹.

Третьим подходом является распределение ответственности между отравителем и поджигателем; он, вероятно, получит поддержку в английском суде. Отравитель пытался убить животное, но не преуспел в этом. Поджигатель причинил смерть коню посредством пожара, но погибший от пожара отравленный конь был менее ценным, чем здоровый (неотравленный) конь. Действия поджигателя не отменяют того, что уже было совершено отравителем, его действия только ухудшили ситуацию. Таким образом, отравитель отвечает за уменьшение стоимости умирающего от отравления коня, а поджигатель – за причинение смерти коню в размере, соответствующем уменьшившейся стоимости коня на момент пожара².

Позиция американских судов основана на том, что поджигатель несет ответственность за гибель коня, но для уменьшения размера ответственности он может ссылаться на короткую ожидаемую продолжительность жизни отравленного коня. В то же время с точки зрения американских судов весьма спорным остается вопрос о привлечении к ответственности отравителя за уменьшение ожидаемой продолжительности жизни животного³.

Следующим возможным решением проблемы является возложение полной ответственности на поджигателя. С. Галан-Карваль полагает, что французский суд возложит всю ответственность на поджигателя, поскольку конь погиб именно в результате пожара⁴.

Сторонники *NESS*-теста также полагают, что в данной ситуации к ответственности может быть привлечен только поджигатель, поскольку его действия были необходимыми для достаточности набора предшествующих фактических условий, в число которых не входит отравление. Напротив, отравление не было необходимым для достаточности какого-либо набора предшествующих фактических условий, оно могло быть расценено в качестве причины гибели, только если конь был жив на момент, когда яд подействовал. Иначе говоря, набор предшествующих фактических условий, достаточных для причинения смерти коню, включал в себя следующие обстоятельства:

- 1) яд попал в организм животного;
- 2) конь был жив на момент, когда яд подействовал.

В нашем примере существовало первое условие, но не второе, поскольку поджог не позволил случиться второму обстоятельству. Таким образом, отсутствует

¹ *Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 69.*

² *Horton Rogers W.V. Op. cit. P. 42.*

³ *Schwartz G.T. Op. cit. P. 124.*

⁴ *Galand-Carval S. Op. cit. P. 56.*

достаточный набор предшествующих фактических условий, который включал бы отравление в качестве необходимого элемента. Следовательно, отравление не повлияло на гибель животного¹.

2.6. Проблема перерыва причинной связи

Проблема перерыва причинной связи обсуждается применительно к случаям, когда между поведением ответчика и конечным вредом присутствует еще один элемент, который может выражаться в:

1) действиях третьего лица, которые повлияли на причинение потерпевшему изначального вреда (к примеру, водитель оставил ключи в замке зажигания, в результате чего автомобиль был угнан, а угонщик нарушил правила дорожного движения и попал в дорожно-транспортное происшествие, в котором травмы были причинены третьему лицу);

2) действиях третьего лица, увеличивающих размер вреда, причиненного потерпевшему, или причиняющих потерпевшему дополнительный вред (ответчик оставил на улице потерпевшего, который в результате удара, нанесенного ответчиком, потерял сознание; находившийся без сознания потерпевший был обокраден третьим лицом);

3) действиях третьего лица, направленных на оказание помощи лицу, которому ответчик причинил вред, в результате которых вред причиняется самому «спасателю»;

4) поведении потерпевшего, которое повлияло на причинение ему первоначального вреда (потерпевший переходит дорогу в не предназначенном для этого месте непосредственно перед проезжавшей машиной, которая не успевает затормозить и сбивает его);

5) бездействии потерпевшего, не позволившем уменьшить размер причиненного ему вреда (потерпевший, получивший незначительное повреждение, отказался от медицинской помощи, что привело к намного более тяжким последствиям).

2.6.1. Действия третьего лица, которые повлияли на причинение потерпевшему изначального вреда

Наиболее простым случаем перерыва причинной связи является ситуация, когда поведение ответчика приводит к совершению правонарушения третьим лицом, в результате которого причиняется вред потерпевшему (из-за неосмотрительности водителя автомобиль был угнан, а угонщиком был причинен вред третьему лицу).

С точки зрения французских юристов причинно-следственная связь отсутствует, если ущерб объясняется не действиями ответчика, а какой-либо «посторонней причиной», не имеющей отношения к делу (*«cause étrangère»*), которой

---

¹ Wright R.W. Op. cit. P. 1795.

могут выступать действия третьих лиц, собственная вина потерпевшего, обстоятельства непреодолимой силы¹.

Кассационный суд пришел к выводу, что собственник автомобиля не несет ответственности за вред, причиненный укравшим его машину воров. Данное правило применяется даже в случае грубой неосторожности владельца автомобиля (например, если он оставил ключи зажигания в машине). Хотя небрежность владельца была основной причиной кражи, а причинение вреда в связи с использованием похищенного автомобиля произошло непосредственно после кражи, Кассационный суд отказался признавать небрежность владельца автомобиля находящейся в причинной связи с вредом². Р. Саватье объясняет это тем, что «цепь причинной связи между этой небрежностью и вредом, причиненным потерпевшему, является слишком отдаленной для того, чтобы служить основанием признания ответственным собственника автомашины»³. Но из этого правила есть исключение: водитель будет нести ответственность, если он оставил автомобиль незапертым в неблагополучном районе, в котором правонарушения совершаются достаточно часто, поскольку он должен был предвидеть, что его небрежностью воспользуются злоумышленники⁴.

В немецком праве на собственника автомобиля возлагается обязанность по предотвращению несанкционированного использования автомобиля третьими лицами (§ 14(2) *Straßenverkehrsordnung*). В случае, если собственник автомобиля неосмотрительно оставил ключи в замке зажигания, что позволило злоумышленнику совершить угон автомобиля, на собственника возлагается ответственность за вред, причиненный угонщиком третьим лицам⁵.

Общий принцип английского права заключается в том, что действия третьего лица (или внешнее событие) «обрывают» причинно-следственную связь только в том случае, если его действия (событие) были очень необычными или необоснованными⁶. В качестве примера можно привести дело *The Oropesa* (1943). По вине команды судна *Oropesa* произошло столкновение с другим судном, *Manchester Regiment*, капитан которого приказал команде судна пересечь в шлюпку. Шлюпка перевернулась, и один из моряков утонул. Родственники погибшего моряка обратились с иском к владельцу корабля *Oropesa*. Иск был удовлетворен, так как действия капитана судна *Manchester Regiment* были обычными для сложившейся на тот момент ситуации, поэтому они не «разорвали» причинную связь.

¹ Цвайгерт К., Кёtz Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. / Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 1998. Т. 2. С. 394.

² *Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 711.*

³ Саватье Р. Теория обязательств. М.: Прогресс, 1972. С. 357.

⁴ *Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 736.*

⁵ *Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 70.*

⁶ *Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 754–756; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 162–163.*

Действия третьего лица, совершенные в результате его осознанного выбора, скорее всего, «разорвут» первоначальную цепь причинной связи. В деле *Stultz v. Benson Lumber Company* (1936) ответчик продал работодателю истца дефектные доски, зная, что они будут использованы в строительных лесах. Работодатель обнаружил этот дефект, но все равно использовал доску, в результате чего леса обрушились и работнику (маляру) был причинен вред. Конечный результат (обрушение лесов и причинение вреда маляру), конечно, был ожидаемым последствием небрежности продавца. Если бы работодатель не обнаружил дефект, то продавец нес бы ответственность перед маляром. Но в данном деле элемент осознанного выбора третьего лица привел суд к выводу, что действия работодателя «разорвали» цепь причинности¹.

Но даже правонарушение третьего лица не всегда освобождает ответчика от ответственности, например, если действия ответчика не соответствовали общим требованиям к предосторожности. В одном из дел (дело *Stansbie v. Troman* (1948)) дизайнер оставил незакрытым дом, в котором он работал, в результате чего из дома было похищено имущество. Ответственность была возложена на дизайнера. В деле *De la Bere v. Pearson* (1908) к ответственности была привлечена газета, которая рекомендовала в качестве биржевого брокера компанию, которая совершила растрату имущества, переданного ей лицами, последовавшими рекомендациями газеты.

Пример российского подхода к проблеме перерыва причинной связи представлен в п. 24 постановления Пленума ВС РФ от 26 января 2010 г. № 1. Согласно разъяснениям ВС РФ по общему правилу противоправные действия третьего лица «разрывают» причинную связь. Если владельцем источника повышенной опасности будет доказано, что этот источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц (например, при угоне транспортного средства), то суд вправе возложить ответственность за вред на лиц, противоправно завладевших источником повышенной опасности. Между тем при наличии вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания ответственность по возмещению вреда может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности, в долевом порядке в зависимости от степени вины каждого из них (например, если владелец транспортного средства оставил автомобиль на неохраняемой парковке открытым с ключами в замке зажигания, то ответственность может быть возложена и на него).

2.6.2. Действия третьего лица, которые увеличили размер вреда, причиненного потерпевшему

Другим примером перерыва причинной связи являются случаи, когда правонарушение ответчика причиняет потерпевшему определенный вред, а дей-

¹ Prosser W.L. Op. cit. P. 409–410.

ствия третьего лица увеличивают размер причиненного потерпевшему вреда или причиняют потерпевшему дополнительный вред. К примеру, ответчик ударил потерпевшего, из-за которого последний потерял сознание. Ответчик оставил потерпевшего на улице, который, находясь без сознания, был обокраден третьим лицом. Дискуссии вызывает вопрос об ответственности ответчика за кражу вещи потерпевшего, совершенную третьим лицом.

С. Галан-Карваль отмечает, что согласно французскому подходу в данном случае ответчик должен нести ответственность в том числе за кражу, поскольку ответчик не может быть освобожден от ответственности на том основании, что вред был причинен третьим лицом, с учетом того, что поведение ответчика имело непосредственное отношение к совершенной краже¹. В другом деле на виновника ДТП помимо ответственности за вред, причиненный потерпевшему в результате ДТП, была возложена ответственность по возмещению потерпевшему вреда, который был причинен ему в результате пожара, произошедшего в больнице, куда потерпевший был доставлен после аварии².

Немецкие суды допускают привлечение ответчика к ответственности за кражу вещей потерпевшего, поскольку действия ответчика (нанесение удара потерпевшему и оставление его на улице в бессознательном состоянии) создали риск совершения кражи вещей потерпевшего. При этом в примере с причинением потерпевшему вреда во время пожара в больнице немецкие суды, вероятнее всего, освободят виновника ДТП от ответственности за созданный риск, поскольку пожар в больнице является слишком экстраординарным событием³.

С точки зрения английских судов ответчик не несет ответственности за кражу, совершенную третьим лицом. Как отметил лорд Самнер в деле *Weld-Blundell v. Stephens* (1920), несмотря на вину первого правонарушителя за первоначальный вред, он не ответствен за вред, причиненный потерпевшему третьим лицом, который сознательно принял решение сделать это. Несмотря на то что первый правонарушитель создал повод для злонамеренного поступка третьего лица, действия третьего лица стали новой и независимой причиной⁴. Не будет нести ответственность и виновник ДТП за вред, причиненный потерпевшему в результате пожара в больнице, куда потерпевший был доставлен после ДТП⁵.

Таким образом, подходы французских, немецких и английских судов к проблеме причинения потерпевшему дополнительного вреда в результате действия третьих сил кардинально различаются. Если французские суды возлагают на пер-

¹ *Galand-Carval S. Op. cit. P. 59.*

² *Dam C. Op. cit. P. 292.*

³ *Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 71.*

⁴ *Horton Rogers W.V. Op. cit. P. 48.*

⁵ *Ibid. P. 47.*

воначального правонарушителя ответственность за весь дополнительно причиненный вред, то немецкие суды, по общему правилу допускающие привлечение первоначального причинителя вреда к ответственности за дополнительный вред, исключают его ответственность за экстраординарные дополнительные последствия. Подход же английских судов заключается в том, что правонарушение третьего лица всегда разрывает причинную связь между первоначальным правонарушением и вредом, причиненным третьим лицом.

2.6.3. Случаи спасения

Вопрос о перерыве причинной связи встает и тогда, когда потерпевший получил вред, пытаясь предотвратить или уменьшить вред, причиняемый другому лицу. Такому лицу могут отказать в возмещении вреда со ссылкой на то, что он сам причинил себе вред. Обязан ли правонарушитель возместить вред, причиненный не только непосредственному потерпевшему, но и его «спасателю»?

По мнению немецких юристов, разумные попытки предотвратить вред или уменьшить его размер не признаются виновными, они не прерывают изначальную причинно-следственную связь, и, таким образом, «спасатель» имеет право на возмещение вреда. При этом в возмещении вреда может быть отказано, только если попытка спасения была чрезвычайно безрассудна¹.

Французские суды также не признают действия спасателя «разрывающими» причинную связь. Действия правонарушителя создали опасную ситуацию, что повлекло за собой возникновение у третьих лиц моральной обязанности вмешаться. Поэтому действия спасателя будут рассматриваться не как обстоятельство, разрывающее причинную связь, а как нормальное последствие опасной ситуации, созданной правонарушителем².

Подход английских судов заключается в следующем: если одно лицо попадает в опасную ситуацию, созданную другим лицом, и при попытке из нее выбраться наносит себе повреждение, то это второе лицо должно возместить потерпевшему вред: оно несет обязанность принять меры предосторожности (*duty of care*) перед лицами, в отношении которых ему следовало разумным образом предусмотреть, что в данных опасных обстоятельствах они могли предпринять шаги по своему спасению со всеми связанными с этим рисками³.

Лицо, поставившее другое лицо в опасное положение, отвечает также за вред, причиненный здоровью третьего лица, попытавшегося спасти или помочь человеку, находившемуся в опасном положении. Обосновывая данное правило, известный американский судья Б. Кардозо в деле *Wagner v. International Railway Co.* (1921)

¹ *Markesinis B., Unberath H.* Op. cit. P. 111.

² *Galand-Carval S.* Op. cit. P. 59.

³ *Цвайгерт К., Кётц Х.* Указ. соч. С. 383.

отметил, что «опасность призывает к спасению»¹. Риск сам по себе не разрывает причинную связь, которая разрывается только абсолютно безрассудным поведением третьего лица².

Таким образом, с точки зрения изученных правопорядков действия спасателя не разрывают причинную связь между правонарушением ответчика и вредом, причиненным спасателю. Вопрос о перерыве причинной связи может быть поставлен только в тех случаях, когда действия спасателя были безрассудными.

2.6.4. Поведение потерпевшего, которое повлияло на причинение ему первоначального вреда

Некоторые сложности вызывает вопрос, когда лицо, которому был причинен вред, само вмешивается в причинно-следственную связь.

Первая категория таких дел охватывает случаи, когда поведение потерпевшего влияет на причинение первоначального вреда (к примеру, потерпевший переходил дорогу в не предназначенном для этого месте непосредственно перед проезжавшей машиной, которая не успевает затормозить и сбивает его).

Германское гражданское уложение (§ 254) устанавливает, что вина потерпевшего лица в возникновении первоначального вреда учитывается для уменьшения размера возмещаемого вреда³.

Французский правопорядок также исходит из того, что если вина потерпевшего также повлияла на возникновение вреда, то ответственность должна быть разделена между причинителем вреда и потерпевшим⁴. Объясняется это просто: потерпевший сам участвовал в возникновении вреда, поэтому должен хотя бы частично за него отвечать. Необходимо отметить, что распределение ответственности возможно только в случае виновных действий (бездействия) потерпевшего; если вина потерпевшего не установлена, то ответчик отвечает в полном объеме⁵. Определение «пропорции» относится к дискреции суда. Суды определяют, чья вина сильнее всего повлияла на возникновение вреда, учитывается также и моральная составляющая вопроса⁶.

Для того чтобы освободить ответчика от ответственности, необходимо, чтобы поведение потерпевшего являлось при данных обстоятельствах непреодолимым. Например, французский суд признал таким поведением падение потерпевшего непосредственно перед проезжавшей рядом машиной⁷.

¹ Schwartz G.T. Op. cit. P. 125.

² Horton Rogers W.V. Op. cit. P. 46.

³ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 110.

⁴ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 709–710. См. также: Морандьер Л.Ж. де ла. Указ. соч. С. 423.

⁵ Galand-Carval S. Op. cit. P. 54.

⁶ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 763–764.

⁷ Ibid. P. 761.

В английском праве случаи, когда поведение потерпевшего влияет на причинение первоначального вреда, охватываются категорией вины потерпевшего (*contributory negligence*). Вплоть до середины XX в. английский потерпевший не мог рассчитывать на возмещение вреда в случае, если на причинение вреда повлияли в том числе его собственные действия. Такой подход объяснялся тем, что после вмешательства потерпевшего в причинную связь действия первоначального причинителя вреда более не являются непосредственной причиной вреда.

В старом прецеденте *Butterfield v. Forrester* (1809) ответчик незаконно установил препятствие на дороге, истец мчался верхом на лошади настолько быстро, что не смог остановиться перед видимым препятствием и столкнулся с ним. Потерпевший предъявил иск к лицу, установившему препятствие, в удовлетворении которого было отказано.

Правило, жестко ограничивающее возможность возмещения вреда в случае вины потерпевшего, было отменено только в ходе реформы 1945 г.¹

Если действия истца, приведшие к причинению вреда, являлись разумными, то истец может требовать возмещения вреда в полном объеме. Если же истец действовал неразумно, а к тому же добровольно и достаточно «ненормально» (необычно), то ответчик будет освобожден от ответственности (если истец действовал просто неразумно, то это может стать основанием для уменьшения размера возмещаемого вреда)².

Пример подхода российских судов к случаям вмешательства потерпевшего в причиненный ему вред можно встретить в одном из обзоров судебной практики Президиума ВАС РФ³. Компания обратилась в суд к администрации морского порта с иском о возмещении убытков в связи с тем, что она не обеспечила для судна истца безопасную стоянку на якоре в морском порту (администрация не выдала компании информацию о смещении судна за границу якорной стоянки и о наличии на дне не отмеченных на карте препятствий, влияющих на безопасность стоянки судна, в результате чего имело место аварийное происшествие – соприкосновение судна с грунтом). Президиум ВАС РФ указал, что управление судном, определение его местонахождения и обеспечение безопасности его плавания возлагаются единолично на капитана судна. Последний, зная о происходящем дрейфе судна, не принял мер к предотвращению дрейфа и неразрешенных эволюций в пределах и за пределами стоянки. Несообщение администрацией порта о смещении судна за границу якорной стоянки и о наличии на дне не отмеченных на карте препятствий, влияющих на безопасность стоянки судна, не могло

¹ *Catala P., Weir J.A.* Op. cit. P. 715–716; *Whittaker S.* Contributory Fault and Mitigation, Rights and Reasonableness: Comparisons Between English and French Law // *Causation in Law* / Ed. by L. Tichý. P. 149.

² *Catala P., Weir J.A.* Op. cit. P. 769, 771.

³ Пункт 1 Обзора практики применения арбитражными судами Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации.

повлечь причинение вреда судну истца, если бы капитан судна выполнил надлежащим образом возложенные на него обязанности. Таким образом, причинная связь между бездействием администрации порта и повреждением судна была прервана правонарушением, допущенным самим капитаном судна, что исключило возможность привлечения администрации порта к ответственности.

2.6.5. Бездействие потерпевшего, которое не позволило уменьшить размер причиненного ему вреда

Ко второй категории дел относятся дела, в которых действия или бездействие потерпевшего имеют место уже после причинения правонарушителем первоначального вреда потерпевшему и выражаются в том, что потерпевший не предпринимает действий, направленных на улучшение его положения (не предпринимает действий, направленных на уменьшение размера вреда). Классическим примером является отказ потерпевшего от лечения, которое улучшило бы его состояние.

Германское право исходит из того, что вина потерпевшего лица охватывает не только собственно вину в возникновении вреда, но и его бездействие, не позволившее уменьшить размер причиненного вреда. В обеих ситуациях вина потерпевшего учитывается для уменьшения размера возмещаемого вреда. Например, судами принимается во внимание отказ потерпевшего от медицинской помощи или новой работы (поскольку старой он уже не может заниматься по состоянию здоровья)¹.

Английское право здесь говорит не о вине потерпевшего (как в случаях участия потерпевшего в причинении первоначального вреда), а о нарушении обязанности по уменьшению размера вреда. Согласно английскому праву на потерпевшем лежит обязанность по принятию разумных мер по уменьшению размера причиненного ущерба. Нарушение этого права не дает другой стороне право требовать принудительного исполнения данной обязанности, а лишает потерпевшего права требовать возмещения вреда, вызванного непринятием мер по митигации. К примеру, в деле *McAuley v. London Transport Executive* (1957) истец повредил руку на работе. Врачи порекомендовали сделать операцию, которая с вероятностью 90% привела бы к выздоровлению истца, однако истец от нее отказался. Суд посчитал, что отказ истца от операции был неразумным, в связи с чем работодатель не может быть признан ответственным за продолжающийся эффект повреждения, который является следствием не первоначального правонарушения, а отказа потерпевшего от лечения, который прервал причинную связь².

Французское право, напротив, не признает наличия у потерпевшего обязанности по принятию мер, направленных на уменьшение размера причиненного вреда. Данное правило вытекает из принципа полного возмещения вреда, соглас-

¹ *Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 110.*

² *Whittaker S. Op. cit. P. 152.*

но которому потерпевшему должен быть возмещен весь вред, каузално связанный с правонарушением, независимо от природы такого вреда¹.

Французское право при отсутствии обязанности по принятию мер, направленных на уменьшение размера вреда, было вынуждено использовать иные средства для случаев отказа потерпевшего от медицинской помощи. Можно выделить три этапа развития французского права по этому вопросу.

На первом этапе (с 1960 г. до решения Кассационного суда 1997 г.) для определения влияния отказа потерпевшего от рекомендованной ему медицинской процедуры на возмещение вреда, вызванного таким отказом, французские суды опирались на концепцию вины потерпевшего (*faute de la victime*). И доктрина, и судебная практика исходили из того, что вина потерпевшего может уменьшить размер возмещения, полагающегося потерпевшему, или вовсе погасить требование потерпевшего о возмещении вреда. На данном этапе при определении вины потерпевшего суды учитывали серьезность медицинского вмешательства, сопутствующие ему риски и вероятность успешности медицинской процедуры².

В 1997 г. Кассационный суд вынес решение³, в котором изменил свое отношение к квалификации отказа потерпевших от медицинской помощи. Кассационный суд в своем решении опирался на ст. 16-3 Французского гражданского кодекса, включенную в текст Кодекса в 1994 г., предусматривающую неприкосновенность человеческого тела и запрещающую принуждение лица к медицинскому вмешательству. Названная статья прямо не запрещает снижение размера возмещения в связи с отказом потерпевшего от рекомендуемого лечения, однако такой вывод следует из ее логического толкования. Если потерпевший не обязан проходить рекомендованное лечение, то отказ потерпевшего от такого лечения не может быть поставлен ему в вину (независимо от серьезности требуемого медицинского вмешательства и сопутствующих рисков)⁴.

В 2003 г. Кассационный суд распространил данное правило на случаи непринятия мер, направленных на уменьшение размера экономических убытков. Судом рассматривался иск о возмещении убытков, заявленный владельцем пекарни, пострадавшим в дорожно-транспортном происшествии. Потерпевший требовал от виновника ДТП компенсации уменьшения стоимости его бизнеса, вызванного тем, что пекарня не работала в период лечения потерпевшего (в течение шести лет после ДТП). Апелляционный суд отказал в возмещении убытков, указав, что в период лечения потерпевший мог поручить кому-нибудь другому заниматься пекарней вместо себя, в связи с чем убытки потерпевшего (уменьшение стоимости бизнеса) не являются следствием ДТП. Кассацион-

¹ Whittaker S. Op. cit. P. 155.

² Ibid. P. 155–156.

³ Civ. (2) 19 Mar. 1997, Bull. civ. II no. 86, RTDCiv. 1997.

⁴ Whittaker S. Op. cit. P. 157.

ный суд отменил данное решение, отметив отсутствие у потерпевшего обязанности по уменьшению размера причиненных ему убытков. Кассационный суд учел, что дорожно-транспортное происшествие вызвало нетрудоспособность потерпевшего, препятствовавшую ему продолжать заниматься пекарней, в связи с чем между ДТП и уменьшением стоимости бизнеса потерпевшего имеется прямая причинная связь¹.

Если говорить о российском подходе к возможности снижения размера возмещаемого вреда в связи с действиями самого потерпевшего, то ст. 1083 ГК РФ допускает такую возможность, если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала увеличению вреда. Суды признают в качестве такой грубой небрежности факт отказа потерпевшего от лечения и на этом основании снижают размер возмещения, присуждаемого потерпевшему (см., например: определение Пензенского областного суда от 18 декабря 2007 г. по делу № 33-2242; решения Крапивинского районного суда Кемеровской области от 10 октября 2016 по делу № 2-753/2016, Сретенского районного суда Забайкальского края от 19 июня 2017 г. по делу № 2-8/2017).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последовательное применение концепции фактической причинной связи действительно в некоторых случаях может привести к несправедливым результатам.

Вместе тем, как указывает Ф. Быдлински, неправильно рассматривать большие и комплексные проблемы с точки зрения редких и проблематичных случаев. Если имеется достаточно убедительная и простая концепция, такая как доктрина фактической причинной связи, не нужно поспешно от нее отказываться из-за нескольких необычных примеров. Правильнее уделить таким специальным случаям отдельное внимание и выработать решение, отличающееся от общего правила, но основанное на той же логике и соответствующее ценностным установкам².

Как было показано выше, доктриной и судебной практикой были выработаны решения, устраняющие негативные последствия применения концепции фактической причинной связи к специфическим случаям без отказа от применения указанной концепции в качестве общего правила:

1. Для проблемы альтернативной причинной связи наиболее сбалансированным решением является механизм долевой ответственности потенциальных причинителей вреда. Размер ответственности каждого потенциального причинителя вреда пропорционален вероятности того, что именно его действия стали причиной вреда. Для определения размера доли ответственности каждого потенциального причинителя вреда, в частности, могут учитываться период, объем

¹ Whittaker S. Op. cit. P. 158.

² Bydlinki F. Op. cit. P. 21.

и интенсивность вредного воздействия (см. п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 49), доля ответчика, занимаемая на соответствующем рынке. При невозможности распределения вероятностей причинения вреда конкретными потенциальными причинителями их доли признаются равными. Механизм долевой ответственности применяется и к проблеме «утраты шанса», являющейся частным случаем альтернативной причинной связи.

2. При кумулятивной причинной связи правонарушители, поведение каждого из которых являлось достаточным для причинения вреда, несут солидарную ответственность за весь причиненный вред.

3. При «опережающей» причинной связи ответственность несет первоначальный правонарушитель, так как именно его поведение привело к причинению вреда, а последующее поведение второго правонарушителя не могло причинить вред уже уничтоженному благу. Вместе с тем последующий правонарушитель может быть привлечен к солидарной с первоначальным правонарушителем ответственности в случае, если первоначальное правонарушение породило длящееся нарушение прав потерпевшего (например, утрату потерпевшим трудоспособности), с момента совершения второго правонарушения.

4. «Вытесняющая» причинная связь предполагает ответственность последующего правонарушителя, поскольку именно его действия привели к причинению вреда. При этом вопрос о возможности привлечения к ответственности первого правонарушителя, чьи действия не причинили потерпевшему вред только в связи с вмешательством последующего правонарушителя, является спорным.

5. Правонарушение, совершенное третьим лицом, «разрывает» причинную связь между поведением ответчика, являвшимся условием совершения правонарушения третьим лицом (ответчик, чье поведение являлось условием совершения правонарушения третьим лицом, не несет ответственности за последствия такого правонарушения), за исключением случаев грубой неосмотрительности ответчика.

6. Действия лица по оказанию помощи потерпевшему не разрывают причинную связь с первоначальным правонарушением, в связи с чем правонарушитель отвечает и за вред, причиненный лицу, пытавшемуся оказать помощь потерпевшему (за исключением явно безрассудных действий спасателя).

7. Поведение потерпевшего, которое повлияло на причинение первоначального вреда, равно как и отказ потерпевшего от принятия мер, направленных на уменьшение размера причиненного ему вреда, является основанием для уменьшения размера возмещения, присуждаемого потерпевшему (вплоть до полного отказа в возмещении вреда).

References

Baybak V.V. Prichinnaya svyaz' kak uslovie dogovornoj otvetstvennosti: sravnitel'no-pravovoj ocherk [Causal Connection as a Condition of Contractual Liability: A Comparative Legal Outline] (in Russian) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. No. 6.

Ben-Shabar O. Causation and Foreseeability // Tort Law and Economics / Ed. by M. Faure. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009.

Bydlinski F. Causation as a Legal Phenomenon // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.

Catala P., Weir J.A. Delict and Torts: A Study in Parallel – Part IV // Tulane Law Review. 1965. Vol. 39.

Egorov A.V. Upushchennaya vygoda: problemy teorii i protivorechiya praktiki [Loss of Profit: Problems of Theory and the Contradiction of Practice] (in Russian) // Ubytki i praktika ikh vozmeshheniya: Sbornik statej [Losses and the Practice of Its Reimbursement: Collection of Articles] / Ed. by M.A. Rozhkova. Moscow, 2006.

Elliott C., Quinn F. Tort Law. 8th ed. Harlow, England; New York: Pearson Education Limited, 2011.

Faure M.G., Bruggeman V. Causal Uncertainty and Proportional Liability // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.

Friedman D. Poryadok v prave. Kakoe otnoshenie ekonomika imeet k pravu i pochemu eto vazhno [Law's Order: What Economics Has to Do with Law and Why It Matters] (in Russian) / Trans. from English by I. Kushnareva; ed. by M. Odintsova. Moscow, 2017.

Galand-Carval S. Causation under French Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000.

Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law: «All or Nothing» or Partial Compensation in Cases of Uncertainty of Causation // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.

Hart H.L.A., Honoré T. Causation in the Law. Oxford: Clarendon Press, 1985.

Horton Rogers W.V. Causation under English Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000.

Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. Wien: Jan Sramek Verlag, 2012.

Kuznetsov A.A. Isklyuchenie uchastnika iz obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu [Exclusion of a Participant from a Limited Liability Company] (in Russian). Moscow, 2014.

Landes W.M., Posner R. Causation in Tort Law: An Economic Approach // Journal of Legal Studies. 1983. Vol. XII.

Magnus U. Causation by Omission // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.

Magnus U. Causation in German Tort Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000.

Markesinis B., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. Oxford: Hart Publishing, 2002.

McBride N., Bagshaw R. Tort Law. 5th ed. Harlow, England; New York: Pearson Education Limited, 2015.

Morandière L.J. de la. Grazhdanskoe pravo Frantsii. T. 2 [Civil Law of France. Vol. 2] (in Russian). Moscow, 1960.

Mulheron R. Principles of Tort Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Nazarikov S.V. Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty prichinno-sledstvennoj svyazi v kontekste deliktnoj otvetstvennosti [Some Theoretical and Practical Aspects of Causation in Tort Liability] (in Russian) // Civil Law Review. 2016. No. 6.

Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement: Some Comparative Notes // William Mitchell Law Review. 2011. Vol. 37(3).

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive // http://ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf.

Prosser W.L. Proximate Cause in California // California Law Review. 1950. Vol. 38.

Savatiev R. Teoriya obyazatel'stv [Theory of Obligations] (in Russian). Moscow, 1972.

Schwartz G.T. Causation under US Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000.

Serakov V.V. Teoriya adekvatnoj prichinnosti kak sposob ogranicheniya razmera prichinennykh ubytkov [Theory of Adequate Causality as a Way to Limit the Amount of Inflict Damage] (in Russian) // Civil Law Review. 2014. No. 5.

Steele J. Tort Law: Text, Cases and Materials. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Van Dam C. European Tort Law. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Whittaker S. Contributory Fault and Mitigation, Rights and Reasonableness: Comparisons Between English and French Law // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.

Winiger B. Multiple Tortfeasor // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.

Wright R.W. Causation in Tort Law // California Law Review. 1985. Vol. 73(6).

Yagelnitsky A.A., Petrol O.D. Spor o vyzskanii ubytkov. Kak menyaetsya podkhod sudov k prichinno-sledstvennoj svyazi [Dispute on Recovery of Losses. How Does the Approach of the Courts to the Cause and Effect Relationship Change] (in Russian) // Arbitration Practice. 2016. No. 1.

Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town: Juta, 1990.

Zweigert K., Kötz H. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. V 2 t. T. 2 [Introduction to Comparative Law in the Field of Private Law. In 2 vol. Vol. 2] (in Russian) / Trans. from German. Moscow, 1998.

Information about the author

Mikhailov V.S. (Moscow) – Ph.D. Student of the Department of Civil Law of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (119991, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, 1, Bldg. 13-14; e-mail: mikhailov1992@bk.ru).